

WIADOMOŚCI POLSKIE
ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1 (64) – 2020

PISMO POLAKÓW W ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ РОССИИ

KRZYSZTOF PENDERECKI
1933–2020

27 января 2020 г., в день годовщины освобождения советскими войсками узников нацистского лагеря Аушвиц, в Краснодарском Центре национальных культур прошло памятное мероприятие. Организаторами выступили ККОО «Общество еврейской культуры «Шалом» (мир) и КРОО Польский национально-культурный центр «Единство».

Открыли мероприятие председатель ККОО «Общество еврейской культуры «Шалом» Марина Ушкалова и представитель КРОО Польский национально-

культурный центр «Единство» Ануш Заблюдская.

О своих детских воспоминаниях, эвакуации и ужасах войны, о героизме маленького пионера Муси Пинкензона рассказала Мирра Гуницкая, выступление которой с замиранием сердца слушали все собравшиеся. Лилия Устинова, активист ККОО «Общество еврейской культуры «Шалом», рассказала о праведниках народов мира на Кубани – людях, которые встали на защиту невинных. Продолжила тему Праведников в своём выступлении представительница КРОО Польский национально-культурный центр «Единство» Эльвира Еремеева: она рассказала о жизни и судьбе одного из них – польского героя, пытавшегося остановить Холокост – Яна Карского.

О тех, кто прошёл ад Аушвица и остался человеком, рассказала представительница Польского национально-культурного центра «Единство» Ирина Данилова в докладе «Остаться челове-

ком... 9 коротких человеческих историй». Вероника Слинкова, волонтер ККЕ БОО «Хэсэд – Тиква (Надежда)» зачитала дневники узников.

Историю ещё одного человека, не побоявшегося встать на защиту жертв нацистов, запечатлел всемирно известный фильм «Список Шиндлера» – в нём говорится о немецком предпринимателе Оскаре Шиндлере, спасшем во время Второй Мировой войны 1200 евреев, жертв Холокоста, путём перевода «смертников» на собственные предприятия Польши и Чехии. Музыкальная тема из фильма «Список Шиндлера» прозвучала в исполнении скрипача Александра Антищева. О жизни и судьбе удивительного человека Виктора Франкла – врача и учителя – рассказала Ануш Заблюдская.

Память невинных жертв Холокоста всех национальностей, память советских солдат-освободителей, память Праведников народов мира почтили минутой молчания.

8–9 февраля 2020 г. в Краснодарском крае прошли гастроли знаменитого полонийного ансамбля „Kasia-Katarzyna”, организованные Союзом польских организаций «Единство» и Екатеринбургской городской общественной организацией Польское общество «Полярос».

С большим успехом ансамбль „Kasia-Katarzyna” под руководством председателя екатеринбургской организации пани Марины Лукас дал концерты в Центрах национальных культур Новороссийска и Краснодара, порадовав членов польских обществ этих городов и всех интересующихся польской музыкальной культурой. Зрители насладились насыщенной концертной программой, включавшей в себя польские народные песни, эстрадные номера, в том числе песни из репертуара Марыли Родович, а также сюиту из мюзикла «Метро». Завершились концерты композициями на русском языке. Участники концертов согласились с мыслью о том, что такие встречи жителей разных регионов России способствуют дальнейшей интеграции и гармонизации межнациональных отношений.

16 февраля 2020 г. в Краснодаре состоялся творческий вечер выдающейся полонистки пани Ядвиги Гарлинской-Гжемяк, посвящённый польской музыкальной традиции Львова.

20 февраля 2020 г. весь католический мир, готовясь к Великому посту, провёл Жирный четверг. Воскрешая традиции, Центр польской культуры и просвещения Республики Башкортостан (председатель – Марина Садыкова-Лисовская) и Национальная польская воскресная школа им. А.П. Пенькевича (директор –

Елена Амбарцумова-Гулевич) провели весёлый и вкусный праздник с традиционными польскими блюдами и конкурсами.

14 марта 2020 г. в преддверии 100-летия со Дня рождения Кароля Войтылы, организация «Вольность» провела вечер памяти, посвящённый выдающемуся человеку современности Каролю Войтыле – Иоанну Павлу II.

Вечер прошёл в городской библиотеке г. Минеральные Воды. На мероприятии присутствовали гости из Моздока, Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Минеральных Вод.

Программа вечера была очень насыщенной и интересной. «Вольность» подготовила соответствующую атрибутику и музыкальную часть вечера. Надежда Меньшаева прочитала доклад «Великий Поляк. Жизнь и жизненная миссия Иоанна Павла II – Папы Римского». Наталия Масловская рассказала о том, как проходила беатификация Иоанна Павла II 1-3 мая 2011 г. на площади Св. Петра в Ватикане, а также о своей поездке в родной город Кароля Войтылы – Вадовице в 2014 г. Рассказ сопровождался показом фотографий. Ансамбль польской песни „Harmonia» исполнил любимые песни Иоанна Павла II – „Góralu, czy ci nie żal”, „Barka», также „Gdy gaśnie dzień” и „Wadowice moje miasto”. Песня о родном городе Кароля Войтылы – Вадовице – была специально написана к визиту Иоанна Павла II на родину в 1999 г. и исполнена смешанным хором во время встречи Иоанна Павла II с соотечественниками. Во время её исполнения ансамблем „Harmonia” весь зал пел припев этой красивой песни.

14 марта 2020 г. в Краснодарском историко-археологическом музее им. Е.Д. Фелицына состоялась встреча-лекция члена Польского центра «Единство» пани Оксаны Крицкой на тему: «Поляки в Антарктиде», приуроченной к празднованию 200-летия открытия Антарктиды.

15 марта 2020 г. в Анапском костёле состоялось открытие выставки «Крещение Польши», предоставленной Польским культурным центром в Москве. Собравшиеся с большим интересом выслушали рассказ председателя Союза польских организаций «Единство», кандидата исторических наук,

доктора Александра Селицкого о христианизации польских земель и значения католицизма для цивилизационного развития Польши.

22 марта 2020 г. в приходе Преображения Господня в г. Пятигорске было многолюдно. Прихожане собрались на Воскресную Мессу, которую в этот день проводил викарный священник о. Войцех.

Во время мессы о. Войцех обратился с проповедью к прихожанам. Все внимательно вслушивались в каждое слово священника, тем более, что речь шла о смертельной угрозе здоровью, с которой столкнулось человечество.

Все молились и просили Господа уберечь от коронавируса. Также речь шла о Великом Поляке – Иоанне Павле II – Папе Римском, о столетии со дня его рождения, которое 18 мая 2020 г. будет отмечать Польша и весь католический мир.

После мессы состоялась концертная программа представил ансамбль „Harmonia” польской организации «Вольность». Были исполнены любимые песни Папы. Прихожане с теплотой и благодарностью встретили выступление.

KONGRES OŚWIATY POLONIJNEJ

Chicago, 11 stycznia 2020 r.

PREZYDENT

dr Jolanta Tatara
USA

Szanowny Pan
Aleksander Igorewicz Sielicki
Prezes Związku Organizacji Polskich „Jedność”

WICEPREZYDENT

Anna Dunajewski
USA

W imieniu Prezydium Kongresu Oświaty Polonijnej uprzejmie informuję, iż działając na podstawie Statutu Kongresu Oświaty Polonijnej; Rozdział III. par. 16 oficjalnie przyjmujemy z dniem 1 grudnia 2019 roku Związek Organizacji Polskich „Jedność” w Rosji w poczet członków Kongresu Oświaty Polonijnej.

WICEPREZYDENT

Agnieszka Zajęc
Irlandia Północna

Doceniając niewątpliwy dotychczasowy dorobek przedstawicieli Polonii z różnych regionów Rosji: Anapa, Armawir, Czerniachowsk, Krasnodar, Krasnojarsk, Mineralne Wody, Moskwa, Nalczyk, Nazrań, Noworosyjsk, Piatigorsk, Saratów, Soczi, Stawropol, Rostów nad Donem, Ufa, Władykaukaz oraz Wołgograd, podjęto jednogłośnie decyzję o współpracy i tym samym ułatwieniu kontaktów pomiędzy działaczami polonijnymi o polskich korzeniach mieszkających w różnych częściach świata, w ramach członkostwa w Kongresie Oświaty Polonijnej.

WICEPREZYDENT

Hanna Sand
Norwegia

Prezydium KOP jest przekonane, iż podjęta uchwała jest inwestycją w rozwój tego drogiego kapitału jakim są oświatowi działacze polonijni – elity intelektualne dla których dobro wspólne jakim jest oświata polonijna jest nierozdzielnie związana z celami działalności Kongresu Oświaty Polonijnej.

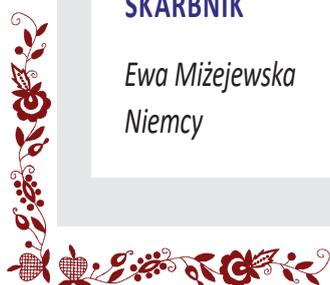
SEKRETARZ

Iwona Malinowski
Kanada

SKARBNIK

Ewa Miżejewska
Niemcy

Z serdecznymi pozdrowieniami,
dr Jolanta Tatara
Prezydent Kongresu Oświaty Polonijnej

dr Jolanta Tatara – prawnik, historyk wielokulturowości, doktor nauk pedagogicznych; prezydent Kongresu Oświaty Polonijnej; dyrektor Polskiej Szkoły im. Jana Pawła II w Lemont, Illinois (2000–2014); członkini American Teachers Association, członkini Komisji Oświatowej Kongresu Polonii Amerykańskiej, członkini Rady Oświaty Polonijnej przy Ministrze Edukacji Narodowej; wieloletnia aktywistka na rzecz szkolnictwa polskiego za granicą i współpracownik Uniwersytetu Jagiellońskiego w projektach dedykowanych uczniom polonijnym.

Szanowni Państwo,
Drogie Koleżanki i Drodzy Koledzy!

Zawsze tam, gdzie dzieje się coś ważnego – to hasło Prezydium Kongresu Oświaty Polonijnej na rok 2020, dziękując że jesteście z nami zapraszamy do dalszej współpracy. Z radością patrzymy na to jak rozwijają się nasze organizacje, przyczyniając się do globalnego wymiaru oświaty polonijnej i nie ma w tym przesady. Świadczy o tym między innymi korespondencja, która wpłynęła do nas z Kancelarii Prezydenta RP z prośbą o przekazanie informacji / kalendarza o ważnych wydarzeniach w środowiskach oświaty polonijnej w świecie. Pragniemy opracować kalendarium wydarzeń oświaty polonijnej na rok 2020, który prześlemy do Warszawy jak również zamieścimy na stronie KOP-u, toteż prosimy o wysłanie nam danych o uroczystościach w Waszych organizacjach.

Każdy rok szkolny w oświacie polonijnej traktujemy jako przełomowy, toteż jeśli tylko otrzymamy od Was zaproszenie będziemy starali się uczestniczyć w jubileuszach, ważnych wydarzeniach dla środowiska w których działacie.

Nasza dotychczasowa działalność zaowocowała zmianą świadomości Polaków za granicą i w Polsce w kwestii nauki języka polskiego i zwrócenia ich uwagi na korzyści płynące z dwujęzyczności naszych uczniów. Efektem naszej pracy jest coraz poważniejsze zainteresowanie oświatą polonijną; kręgów naukowych, administracyjno-rządowych i wreszcie samej Polonii, co jest gwarantem właściwej i pełnej promocji polskiego dziedzictwa, nauki i kultury w świecie. Niezmiernie ważnym zadaniem Kongresu Oświaty Polonijnej jest uświadamianie Polakom mieszkającym w kraju, a także władzom naszej Ojczyzny, jak wielkie skarby naszej historii i kultury znajdują się pod opieką polonijnych szkół i organizacji Polaków za granicą. A to istotna sprawa, bo pokazuje jak ważną rolę odgrywają organizacje oświaty polonijnej w zachowaniu naszego dziedzictwa, a nie tylko folkloru, jak często w sposób uproszczony jest przekazywane.

Prezydium Kongresu Oświaty Polonijnej, reprezentujący różnorodne środowiska polskiej diaspory jest gotowy do kolejnych wyzwań.

Z serdecznymi pozdrowieniami,
dr Jolanta Tatara
Prezydent
Kongresu Oświaty Polonijnej

KRZYSZTOF Penderecki urodził się w 1933 roku w Dębicy w Małopolsce. Po latach wojny kontynuował naukę gry skrzypcowej u Stanisława Tawroszewicza, cenionego wirtuoza. Równolegle uczył się kontrapunktu i kompozycji w Państwowej Średniej Szkole Muzycznej w Krakowie pod kierunkiem Franciszka Skołyszewskiego, dociekliwego teoretyka muzyki, erudyty i matematyka. Następnie odbył studia w Krakowie w Państwowej Wyższej Szkole Muzycznej w klasie kompozycji Artura Malawskiego i Stanisława Wiechowicza. W tym samym czasie korzystał z wykładów wygłaszanych na Uniwersytecie Jagiellońskim.

Dzieło K. Pendereckiego po większej części należy do drugiej połowy XX w. Cofnijmy się o krok i spójrzmy na epokę poprzedzającą jego działalność.

Początek XX w. oraz okres międzywojenny jest epoką kompozytorów tej miary co Ravel, Strawiński, Szymanowski, Bartók, Bloch, Berg, Enescu, de Falla, twórców urodzonych pomiędzy 1875 i 1885. r. Także kilku młodszych, w ich liczbie Prokofiew, Hindemith, Honneger, Poulenc. Inni, niemniej sławni jak Britten, Messiaen, Lutosławski, Szostakowicz, Grażyna Bacewicz, należeli do generacji urodzonych już w pierwszych latach XX w. Muzyka tych wielkich twórców zaliczana jest do szeroko rozumianego nurtu tradycji o tendencjach niekiedy skrajnie zróżnicowanych.

Po 1945 r. dokonały się radykalne zmiany. Polityka kulturalna bloku wschodniego lansowała nowy model – estetykę realizmu socjalistycznego. Wprowadzanie motywów ludowych miało zapewnić komunikatywność kreowanych dzieł. Po tzw. odwilży 1956 r. wyżej wymienione dyrektywy straciły na sile. Natomiast Zachód, wyłączając kierunek neoklasyczny, skłaniał się ku awangardzie poszukującej nowych brzmień. Uzbiegu stosowanych wówczas technik – jak serializm, punktualizm, muzyka elektroniczna (filtrowanie dźwięków, efekty rewerberacji), także aleatoryzm (dopuszczający zaistnienie przypadku, w konsekwencji chwil akustycznego chaosu) – rodzi się «sonoryzm». Ten nowy styl polegał na wykorzystywaniu zjawisk brzmieniowych typu artykulacji, dynamiki, kontrastów, glissand i mas dźwiękowych, jako budulca i elementu ekspresji. Inne traktowa-

KRZYSZTOF *in memoriam wibrujące*

mentów (szmery, zgrzyty) po-ciągnęło za sobą wprowadzenie odmiennej notacji w postaci innowacyjnych znaków, linii i wykresów. Ciąg i krzyżowanie się nowych, nie używanych dotąd brzmień pozwoliło zastąpić tradycyjną linię melodyczną z jej grą napięć i spadków. W miejsce architektoniki klasycznych form opartych na tematach i motywach rytmiczno-melodycznych oraz ich wariacjach, pojawiły się sekwencje ewoluujących brzmień orkiestrowych, porównywalne do obrazu kręcącego się kalejdoskopu. W sumie powstał nowy język muzyczny.

K. Penderecki odznaczał się rzadką zdolnością «czytania pomiędzy liniami». Dokonał wyboru i poszedł nową drogą wyż. wymienionego *sonoryzmu*. Nie brakło mu talentu, odwagi i szczęścia.

W 1959 r. w wyniku konkursu Związku Kompozytorów Polskich, za przesłane *Strofy*, *Emanacje* i *Psalmy Dawida*, 26-letni artysta zdobywa trzy pierwsze nagrody otwierające mu bramy natchmiaskowej kariery i dające możliwość pogłębienia studiów za granicą. *Strofy* zostają zaprezentowane na festiwalu „Warszawska Jesień”, przynosząc mu międzynarodowy rozgłos. W krótki czas później powstają kolejne dzieła: *Anaklasis*, *Tren ofiarom Hiroszimy*, *Polimorfia*, *Fonogramy*, *Przebudzenie*

Jakuba, utrzymane w tym samym stylu. K. Penderecki zdobywa rangę czołowego kompozytora awangardy.

Następnym kamieniem milowym na rozpoczętej drodze staje się *Pasja według św. Łukasza* (1966), utwór zamówiony z okazji obchodów 700-lecia katedry w Münster. W sposobie komponowania K. Pendereckiego następuje zwrot. *Pasja*, napisana dwieście lat po arcydziełach Bacha, łączy nowatorstwo z tradycją. Wyzwanie to, samo w sobie trudne, zostało ukoronowane ogromnym sukcesem.

Podzielię się kilkoma wspomnieniami. Krzysztof Penderecki pozostawał w bardzo przyjaznych stosunkach z Zenonem Felińskim, znanym profesorem skrzypiec, którego byłem uczniem i któremu często towarzyszyłem zważywszy na stan jego zdrowia. Profesor niezwykle cenił talent K. Pendereckiego. Jego łatwość komponowania porównywał do daru, jakim odznaczał się Mozart. W 1959 r. towarzysząc Profesorowi na jednym z koncertów, poznałem osobieście K. Pendereckiego. Podczas wielu podobnych spotkań byłem dopuszczany do przysłuchiwania się ich rozmowom otwierającym mi nieznaną dotąd horyzonty. Rozmowy toczyły się niekiedy w poszerzonym gronie.

Pamiętam wykonanie *Trenu* i kilku innych «awangardowych» utworów

Po wybrzmieniu ostatnich dźwięków symfonii dyrygent opuszcza ręce, zamyka partyturę i odkłada batutę.

Jego gest symbolizuje zakończenie dzieła.

29 marca 2020 r. wybrzmiała ostatnia strona partytury życia Krzysztofa Pendereckiego, słynnego kompozytora i dyrygenta.

Poruszony - wspominając jego długoletnią karierę, osobisty z nim kontakt oraz fakty, których miałem okazję być świadkiem, staram się uchwycić sylwetkę światowej sławy Artysty.

PENDERECKI, myśli, refleksje

kompozytora. Wywarły na mnie wielkie wrażenie. Wykonania te należały do wielkich wydarzeń artystycznych Krakowa. Stawały się przyczyną niekończących się dyskusji prowadzonych wśród muzyków i melomanów, także burzę, jaka rozszalała się na łamach prasy (mówiło się m.in. o *szoku akustycznym*). Wielu zdeorientowanych słuchaczy nie akceptowało podobnych zjawisk. Tego rodzaju reakcje nie są jednak niczym nowym. W r. 1913 paryska premiera *Święta wiosny*, arcydzieła Igora Strawińskiego, wywołała skandal. Po pięćdziesięciu latach, ten

niegdyś prekursorski utwór niejednemu wciąż wydawał się zbyt nowatorski. W podobnej sytuacji znalazł się Beethoven, cieszący się za życia ogromnym uznaniem. Jego ostatnie kwartety o charakterze medytacyjnym, odznaczające się użyciem nagłych zwrotów motywicznych, nie zostały zrozumiane przez współczesnych. Czas, sędzia surowy i cierpliwy, pozwolił słuchaczom zbliżyć się do dalekosiężnej wyobraźni klasyka wiedeńskiego, posługującego się nowymi formami ekspresji brzmienia.

Opiszę jeszcze dwa wydarzenia. Pierwszy dotyczy końca lat 50. Pewnego wieczoru znalazłem się w holu auli Państwowej Wyższej Szkoły Muzycznej wypełnionym publicznością. Panował gwar. O krok ode mnie rozmawiało dwóch mężczyzn. W pewnej chwili głos jednego z nich ożywił się i usły-

szalem następujące słowa: *dlaczego nie piszesz tonalnie?* Było to pytanie Stanisława Tawroszewicza skierowane do Pendereckiego, swego byłego ucznia. Po latach zrozumiałem w pełni znaczenie tych słów. St. Tawroszewicz był głęboko wrośnięty w tradycję. Wykonywał utwory wielkiego repertuaru koncertowego, by zacytować choćby *Sonatę kreutzerowską* Beethovena. W tych latach poszerzona tonalność należała wciąż do arsenału techniki kompozytorskiej, działał jeszcze Strawiński, rozbrzmiewały nieopozbawione swoistej nowoczesności symfonie Szostakowicza, także dzieła Chaczaturiana, m.in. jego *Koncert skrzypcowy*, równie monumentalny, jak i daleki od awangardy, wykonywany z sukcesem przez największych wirtuozów świata. Nie zmienia to faktu, że młody Penderecki, jakkolwiek wychowany w duchu wielowiekowej tradycji, lecz należący do innej generacji, chłonąc nowe prądy pragnął i potrafił osiągnąć ekspresję brzmienia innymi, niekonwencjonalnymi środkami, «przeskakując kilka epok», według słów prof. Felińskiego, pamiętającego modernizm przedwojennego Wiednia i Berlina.

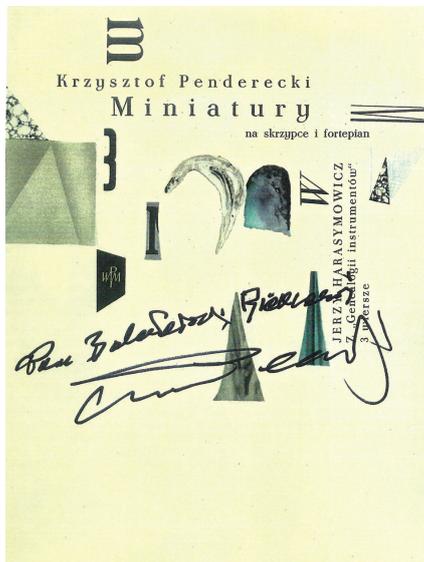
W 1972 r., po zakończeniu studiów w Brukseli pod kierunkiem prof. André Gertlera, zwróciłem się do K. Pendereckiego, mojego ówczesnego

zwierzchnika, z prośbą o spotkanie. Przyjął mnie bardzo chętnie. Zainteresowany muzyką współczesną, pragnąłem usłyszeć jego zdanie na temat «nowoczesności» ostatnich dzieł Bartóka oraz przyszłości muzyki. Opowiedział się za koniecznością posługiwania się nowym materiałem dźwiękowym. Korzystając ze spotkania poprosiłem go o wyjaśnienie mi struktury jego *Miniatur na skrzypce i fortepian* (1959), utworu awangardowego, który często wykonywałem i następnie nagrałem w studio radia belgijskiego. Z zachwytem, zarazem z niemałym zaskoczeniem usłyszałem z jego ust, że kantylena trzeciej części cyklu została zainspirowana przez ekstatyczny typ melodii Szymanowskiego. W jakiś czas później usłyszałem kolejne utwory K. Pendereckiego coraz bardziej nawiązujące do tradycji.

Uczyłem się analizy form muzycznych, grywałem w orkiestrach, uczestniczyłem w festiwalach nowej muzyki, w prawykonaniach, uczęszczałem na koncerty, współpracowałem z kilkoma kompozytorami, przez wiele lat pracowałem w archiwum dźwiękowym radia. Muzyka jest moim codziennym chlebem. Tymczasem kilka lat temu przeżyłem nieoczekiwany moment, zarazem niezmiernie podniosły. W czasie pewnej prelekcji, miałem okazję wysłuchać na nowo *Przebudzenie Jakuba* K. Pendereckiego. Zostałem wprost poruszony ekspresją i wielkością tej muzyki. Było w niej coś «oczywistego», skłaniającego mnie do maksymalnego skupienia, do aktywnego i wnikliwego wchodzenia w jej myśl przewodnią. Poddałem się jej działaniu, jej «opowieści», wynikłej z przetworzonych doznań i doświadczeń kompozytora.

Po *Pasji* powstały następne dzieła o rozpoznawalnych nazwach: *Utrienia* (oparte na liturgii prawosławnej), *De natura sonoris nr 2*, *Magnificat*, *Lacrimosa*, *Te Deum*, i in. K. Penderecki otrzymywał wiele zamówień. Skomponował liczne koncerty dla światowej sławy wirtuozów. *Adresatami ich byli m.in.* Mściśław Rostropowicz, Izaak Stern, Anne-Sophie Mutter, Jean-Pierre Rampal i Emanuel Ax. Rozpoczął też szeroko zakrojoną działalność pedagogiczną – wykładając w Hochschule für Musik w Essen, w Yale University of Music.

Ciąg dalszy na str. 8

Zakończenie. Początek na str. 6

PIASTOWAŁ także funkcję rektora krakowskiej Uczelni, której był wychowankiem.

POWOŁANO go na stanowisko dyrektora artystycznego Filharmonii w Krakowie, Festiwalu Casals w Puerto Rico, na doradcę artystycznego Beijing Music Festival. Kreśląc sylwetkę wielkiego kompozytora i poruszając liczne aspekty jego życia trudno jest wszystko wyliczyć. Nie pominiemy jednak cyklu ośmiu symfonii, *Polskiego Requiem* oraz oper zatytułowanych: *Diabły z Loudun*, *Raj utracony*, *Czarna maska* i *Ubu Król*, wystawianych na scenach największych teatrów operowych świata. Od 1970 r. K. Penderecki prowadził szeroko zakrojoną karierę dyrygencką.

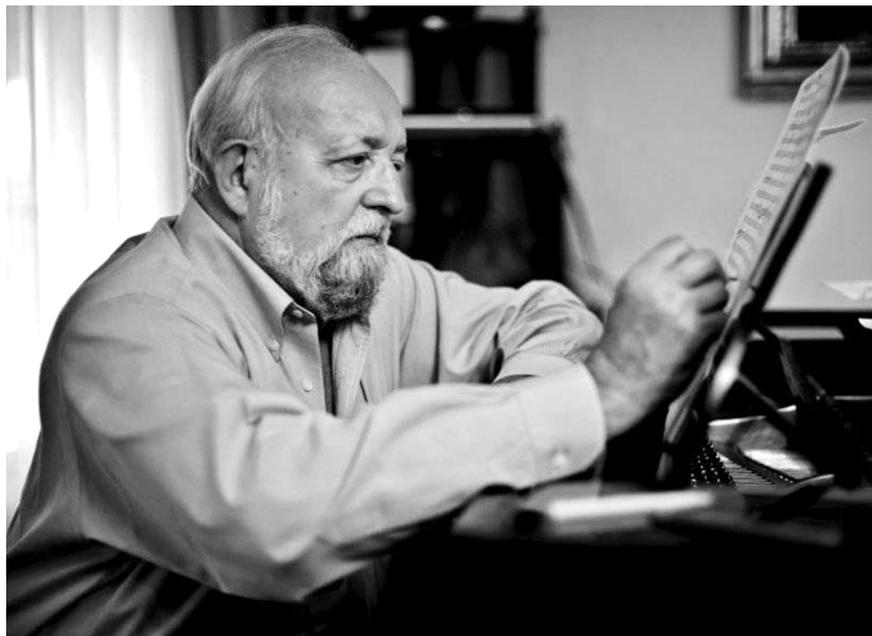
Nasz wielki twórca otrzymał najwyższe odznaczenie państwowe – Order Orła Białego, także liczne nagrody, wyróżnienia i doktoraty honorowe pochodzące z rozmaitych krajów.

Jednym z marzeń K. Pendereckiego było stworzenie nowego centrum muzyki. Marzenie to zostało urzeczywistnione. W Luśławicach, niedaleko jego dworku, miejsca zamieszkania wznosił się wspaniały budynek z salą koncertową, z biblioteką, z salami konferencyjnymi i studiami ćwiczebnymi. W centrum tym, noszącym jego imię, od kilku lat odbywają się koncerty i festiwale. Obok znanych artystów o międzynarodowej reputacji występują tam młodzi, wybijający się muzycy.

Mozart, Schubert, Chopin, Mendelssohn zmarli młodo, nie osiągając wieku innych twórców.

Z upływem czasu styl ich kompozycji niewiele się zmienił. Słuchając utworów wielu innych kompozytorów łatwo możemy dostrzec kolejne etapy ich twórczości. Weźmy za przykład Szymanowskiego. Pomimo jakiejś wspólnej nuty, uchwytej, trudnej do zdefiniowania, a wynikającej z jego nieprzeciętnej osobowości, jego dzieła reprezentujące impresjonizm i neofolklorizm znacznie się różnią od pierwszych kompozycji utrzymanych w stylu postromantycznym.

K. Penderecki osiągając apogeum nowych zdobyczy na polu sonoryzmu, począwszy od kompozycji *Pasji* zbliżył się do universum dźwiękowego minionych epok. Jedni upatrują w tym, «zdradę awangardy», inni – wprost odwrotnie - przejaw dojrzałości, stałych poszukiwań, chęci kroczenia własną drogą.

KRZYSZTOF *in memoriam wibrujące*

Nie chcąc cytować słów krytyki i rozmaitych opinii, często zmiennych wraz z upływem czasu, przypomnę wypowiedź samego twórcy. Będą to fragmenty wywiadu dokonanego przez Bartosza Kamińskiego, a zatytułowanego *«Krzysztof Penderecki: myślę, że minął już czas genialnych mistrzów»* (Dziennik, wtorek 18.04.2006).

– *Swoje ostatnie dzieło VIII Symfonię, niedawno zaprezentowaną w kraju po raz pierwszy, zatytułował pan „Pieśni przemijania”. Nie tylko ze względu na tytuł zdaje się ona być bardzo ważnym utworem w pana bogatym dorobku...*

– To pierwszy większy utwór wokalnie-instrumentalny, w którym nie sięgnąłem po teksty religijne, ale świeckie. Splotają się w nim dwie moje największe pasje : muzyka i zainteresowanie drzewami. (...) Zebrałem ponad 250 wierszy, z których wybrałem ostatecznie 10. Kluczem stał się temat przemijania. Po zeszlorocznej światowej prapremierze w Luksemburgu ktoś napisał, że dzieło to można uznać za mój testament. I ja się zgadzam. Takie utwory nie powstają z przypadku. To w pełni świadomy wybór, w którym odbija się całe moje doświadczenie życiowe i twórcze. (...)

– *Powtarza pan, że nie skomponuje więcej niż dziewięć symfonii...*

– Żaden z wielkich romantyków nie ukończył więcej niż dziewięć symfonii : Beethoven, Schubert, Dvořák, Mahler. Powiedziałem kiedyś żartem, że napiszę tylko dziewięć symfonii, bo jestem przesądny. Potem w to uwierzyłem i dziś wiem, że na pewno nie zacznę 10.

– *Tymczasem nie ukończył pan jeszcze VI Symfonii.*

– Nie jest czymś niezwykłym, że napisałem VII i VIII Symfonię, nim ukończyłem VI. Historia muzyki zna wiele podobnych przypadków. (...) Pomysł musi dojrzeć. Czasem zaczynam pracę nad utworem i odkładam ją, zajmując się innymi kompozycjami. Idea VI Symfonii narodziła się już sześć lat temu, zaraz po tym, jak napisałem „Siedem bram Jerozolimy”. Moja twórczość ma cykliczny charakter, często jedno dzieło wynika z drugiego, jest niejako jego dopełnieniem pod względem tematu i muzycznego języka. (...) Są tematy, wokół których krążyć od dłuższego czasu, czekając na odpowiedni moment na dokończenie pracy. Jednym z nich jest opera na kanwie „Fedry” Racina. Także oratorium na Boże Narodzenie, ale w formie jasełek, bo to bardziej oryginalne i bliskie polskiej tradycji. W rodzinnej Dębicy jako dziecko grywałem w jasełkowych przedstawieniach, a mój ojciec pisał teksty.

– *Sławę zdobył pan najpierw w kręgach awangardy, by porzucić jej*

szeregi, tworząc w 1966 r. „Pasję wg św. Łukasza. Często zapomina się jednak, że wybór podobnego tematu był wówczas odważnym posunięciem nie tylko ze względów artystycznych.

– W latach 50. i 60. muzyka religijna była u nas źle widziana. Nawet sakralne dzieła Bacha grywano bardzo rzadko. „Pasję” postanowiłem napisać z przeko-ry. (...) Sukces w Niemczech był tak wielki, że nie można go było przemilczeć w kraju. „Pasja” była pierwszym utworem, który mógł być wykonany w kościele przez państwowy chór i orkiestrę, co wcześniej było nie do pomyślenia. Był to też więc poniekąd sukces polityczny. Komuniści mieli jednak respekt dla artystów, którego teraz nie widzę. Żyjemy w czasach terroru tzw. masowego gustu, co sprowadza się do promocji tandetnej rozrywki. Choćby w telewizji publicznej.

*Panu Krzysztofowi Pendereckiemu
wielkiemu kompozytorowi
na pamiątkę spotkania przy «Miniaturach»
i tylu innych okazjach*

ZANIM DŁOŃ POKIERUJE DŁUTEM

*Z pni górskich świerków
wyrastają skrzypce*

*Śpiew z wiatru się rodzi
nasiąka radością...*

Słońce złoci strumień

*Liść rozkołysany
szuka tła w błękitach*

Dzięcioł zawzięcie puka

2001

Bolesław BIENIASZ

PENDERECKI, myśli, refleksje

– *Pan należy do bardzo płodnych kompozytorów. W czym tkwi tajemnica? W systemie pracy?*

– Wbrew temu, co się sądzi, nie należę do bardzo pracowitych ludzi. Nie jestem nawet w małej części tak pracowity jak moja żona. To raczej zasługa zdolności. (...) To kwestia koncentracji. I przemyślanego planu. Także wygórowanych ambicji – ciągle chcę wydrzeć z siebie coś innego. Wciąż poszukuję nowych rozwiązań, nowego języka, uciekam od siebie. Wydaje mi się, że swego najważniejszego dzieła jeszcze nie stworzyłem. Jak nie komponuję przez trzy miesiące, co się zdarza, to jestem chory.

– *A natchnienie ?*

– Natchnienie to są te ważne chwile, kiedy przychodzi do głowy wyjątkowy pomysł. (...)

– *A jest wśród żyjących kompozytorów ktoś, kogo darzy pan szczególną estymą ?*

– Nie ma współcześnie kompozytora, który fascynowałby mnie w takim stopniu jak nieżyjący już Szostakowicz czy Messiaen. To byli tytani. A czas tytanów, wydaje mi się, już minął.

– *A skąd wzięła się pana fascynacja drzewami ?*

– To zainteresowanie przejąłem po dziadku. Razem chodziliśmy do lasu. (...) Za domem mieliśmy ogród, w którym sadziliśmy drzewa. Przyszła wojna i straciliśmy dom i ogród. Zapomniałem

o drzewach. Aż do czasu, kiedy kupiłem dworek w Lusławicach i zapragnąłem stworzyć własny ogród. (...) Tam czuję się najlepiej, zwłaszcza wiosną. Wstaję o świcie razem z ptakami i komponuję. (...) Ten park to moja największa symfonia – nieustannie ją tworzę (...) patrzę, jak rośnie to, co posadziłem. Wiem, że przetrwa długo po mojej śmierci.

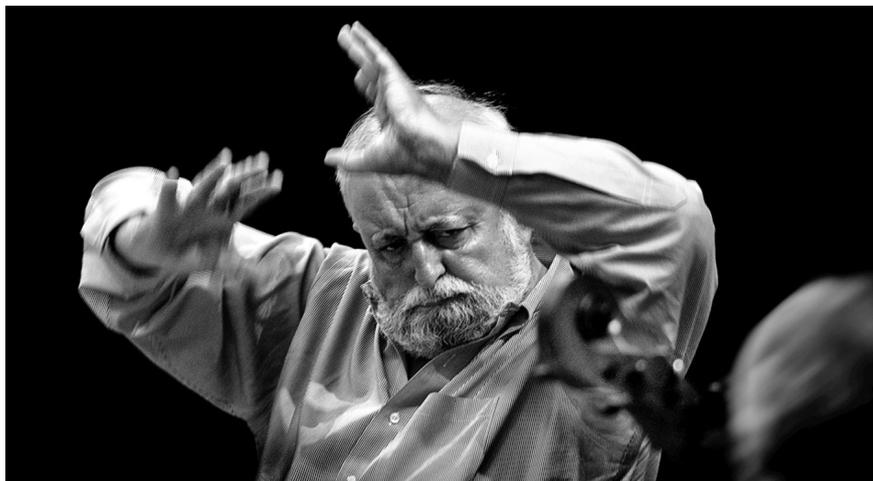
– *W pana słowach można wyczytać niewiarę czy też obawę...*

– ...Że drzewa przetrwają, a muzyka nie ?! Hmm... Myśle, że przetrwa jedno i drugie.

Nasuwa się myśl, że nie jest to kwestią ogrodnictwa samego w sobie. Była to zapewne miłość do roślin, do ich wzrastania w sile, równocześnie zakorzeniony sentyment do ziemi, do klimatu. Mówiąc o Krakowie i jego specyficznej atmosferze, K. Penderecki lubił używać określenia Genius loci. Pejzaż i urok Galicji jest wysoce inspirujący. Reminiscencje z dzieciństwa, przeżyte pory roku, niegdyś usłyszany zaśpiew, rytm tańca – choćby głęboko ukryte, prawie zapomniane – w pewnych chwilach dadzą znać o sobie. W czwartym kwartecie smyczkowym – jednym z ostatnich jego dzieł – słychać echo motywów chasydzkiej muzyki. Usłyszałem ten kwartet w Brukseli w grudniu 2016 r. Po koncercie podszedłem do Mistrza i zapytałem go o te przebijające się rytmy i zaśpiewy. Na jego twarzy pojawił się uśmiech. W ciszy patrzył na mnie chwilę. Widziałem go po raz ostatni.

Bolesław BIENIASZ
29-31 marca 2020 r.

© SABAM Belgium

ВТОРАЯ встреча с паном Кшесимиром состоялась, благодаря «вмешательству» пана Марка Гашиньского, 19 ноября 2019 года.

«О, тебе повезло! Я как раз в Варшаве!» – услышал я в трубке. – «Янек, приезжай в «Бристоль», у нас тут лекция, посвящённая Игнацию Падеверскому (18 ноября – день рождения великого пианиста, композитора, политика и государственного мужа Польши – Я.К.). После 16-00 будет «кофешко», как раз и поговорим!»

Забегая вперёд, скажу, что мы провели около 2,5 часов вместе, а разговор (это не было интервью в прямом смысле этого слова, как я сразу честно сказал – мне просто было любопытно получить ответы на интересовавшие меня вопросы, а было их немало) продолжался не только в холле знаменитого отеля... но обо всём по порядку!

* * *

– *Здравствуйте, пан Кшесимир!*

– Привет! С чего начнём?

– *...родился, крестился...*

– Да ну, смысл? Ты не записываешь? Знаешь, это всё есть на моей страничке в интернете <http://www.kdebski.pl/> – можешь взять там. Считаю, с этой частью интервью мы уже справились! (улыбается).

– *Расскажите о своём происхождении. Правда ли, что ваши корни – с Кубани?*

– Ну, частично – да. Правда, не из Краснодара. Моя бабка была кубанской казачкой, но происходила она из села Александровское Ставропольского края – как ты пре-

Кшесимир ДЕМБСКИЙ: Смена занятий –

С Кшесимиром Дембским судьба меня сводила ранее один раз, в мае 2019 года – на встрече с Ежи Щербаковым, директором Фонда популяризации джаза «ЕвроДжаз». Это был вечер памяти Януша Скворона, и речь тогда шла о безвременно покинувшем этот мир клавишнике ансамбля «String Connection».

Мне удалось перекинуться с маэстро парой слов, но не более – ни время, ни обстановка этому никак не способствовали. Время у людей творческих расписано по минутам на месяцы вперёд.

красно, наверное, знаешь, Екатерина II старалась заселить окраины империи, в том числе и казаками с Запорожской Сечи.

– *Это происходило примерно в тот же период, когда состоялся и первый раздел Речи Посполитой, в конце XVIII века...*

– Да, именно. Пропустим для удобства весь XIX век и перенесёмся в начало XX века. Итак, живёт себе в упомянутом селе молодая казачка Анисья, с прекрасной и довольно распространённой, насколько я знаю, фамилией – Чемеркина. Начинается Первая мировая война, раз и навсегда изменившая судьбы миллионов людей. Анисья, проникнувшись патриотическим духом, уходит на фронт добровольно – сестрой милосердия. Как это по-русски? Да, медсестра. Оба моих деда участвовали в этой проклятой войне, причём, благодаря ранее состоявшимся разделам Речи Посполитой, дед со стороны отца был в австрийской армии, а дед со стороны матери – в русской. Как говорил мой отец, вполне могло быть, что они стояли на одних и тех же позициях, воюя друг с другом (после войны разговоров об этом и попыток реконструировать события было много).

– *А что потом? Не улавливаю пока связи...*

– Дед Леопольд, попавший в австрийскую армию, оказался в окружении и в конце концов был взят в плен русскими войсками. Направили его в полевой госпиталь, а там — сестрой милосердия трудилась казачка Анисья со Ставрополя. Свадьба состоялась через две недели (!).

– *Была большая любовь? Или, на ваш взгляд, люди просто спешили жить и любить, попав в тяжёлые жернова исторических событий?*

– Думаю, и то, и другое. Рушилась Европа, Российская Империя и весь старый уклад. На этом фоне фронтовая свадьба через две недели после знакомства – событие не такое уж значительное.

– *И...?*

– Попав в госпиталь, дед там и остался, практикуя лечебное дело. Опыт полевой хирургии – бесценный, и те знания, и навыки, которые он получил там, на «гражданке» бы ему и не снились. Кроме того, обоим приходилось сражаться с грозными вестниками смерти – туберкулёзом, тифом, испанкой, которые выкашивали людей сотнями тысяч. Этому, безусловно, способствовали плохое питание, война, антисанитария. Антибиотиков ещё не было. Первая мировая закончилась в 1918 году, и Польша снова появилась на карте Европы, 123 года спустя.

– *Я правильно понимаю – Анисья уже не вернулась на Ставрополье?*

– Именно так. Там в это время бушевала гражданская война, возвращаться туда было бессмысленно. Но тяжесть ситуации была и в том, что со стороны польской семьи деда Леопольда понимания и любви особой тоже не было – брак поляка с казачкой считался мезальянсом, ну, ты понимаешь. В общем, перебрались они во Львов, какое-то время жили в Станиславове (нынешний Ивано-Франковск, Украина – Я.К.), а в 30-е годы поселились в Киселине (нынешняя Украина, Житомирская область – Я.К.). Это ныне – Богом забытая деревушка, а, по воспоминаниям моего отца, в то время там было 15 магазинов, три кнайпы с бильярдом, аптека, процветало предпринимательство... Жить – не тужить! Дед стал врачом и имел там частную практику, был очень известен, в том числе и как филантроп – бедных лечил

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ!

бесплатно. Жили хорошо, но всё перекрнула в одночасье Вторая мировая. К огромному несчастью, выжив в перипетиях Первой мировой, мои дед и бабка погибли от рук украинских националистов во время Волынской резни. Судя по всему, как бы это ни ужасно звучало, похитили и убили деда украинцы, к появлению которых на свет он имел опосредованное отношение – принимал роды у их матерей. Анисье бандиты предлагали оставить мужа и исчезнуть, мотивируя это тем, что она — «своя, православная», и не полька. Она отказалась и разделила судьбу мужа. Мои родители – Анеля Славинская и Владзимеж Дембский – обручились во время обороны костёла в Киселине в 1943 году от банд УПА, живы остались чудом – их спасли знакомые украинцы, не разделявшие националистические настроения маргиналов.

Отец мой всю свою жизнь не мог смириться с тем что произошло; это, конечно, огромная травма... в 1980–1990-х годах он провёл частное расследование этого преступления; ему удалось найти убийцу родителей, но преклонный возраст и ряд иных обстоятельств не позволили привлечь его к какой-либо ответственности. Я виделся

с преступником лицом к лицу. Тема Волынской резни — очень тяжёлая, и в тех краях напряжённость витает в воздухе до сих пор – свои счёты друг к другу и сейчас имеют даже внуки и правнуки участников этих трагических событий, и достаточно искры, чтобы полыхнуло пламя.

– *Вы прекрасно знаете историю своей семьи; а не пытались ли вы искать родственников по линии своей бабушки у нас на Ставрополье?*

– Ну, тебе говорят что-то эти имя и фамилия – Андрей Чемеркин? Это российский штангист, тяжеловес, олимпийский чемпион и чемпион мира, родом из Ставропольского края (да и сейчас там живёт). Это, по имеющимся у меня данным, мой родственник, племянник (речь идёт о внучатом племяннике, судя по всему – **Я.К.**). Я нашёл его в Варшаве и попытался поговорить, рассказать о том, что мы связаны кровно, но, сдаётся мне, он либо не поверил мне, либо вообще не был заинтересован в таком разговоре. В общем, ничего из этого не вышло.

* * *

Тем временем выходим из отеля и садимся в авто – культурная программа мероприятия предусматривает ещё и выставку, посвящённую Падеревскому, и, благодаря любезному

Руины костёла в Киселине

приглашению пана Кшесимира, едем туда вместе. Пан Дембский за рулём, разговор продолжается.

* * *

– Ты спрашивал о моём образовании? Композиция и дирижирование, Познань. Семья в это время жила в городе Валбжих уже.

– *Я воспитан на хорошем джазе, и, слава Богу, понимаю, о чём говорю. Без всякой лестии, проект String Connection – это полный улёт! С чем могу сравнить? Chick Corea Electric Band, John McLaughlin... Как, каким образом, в славянской стране, да ещё и в социалистической, мог появиться джаз такого уровня?*

– Янек, ты так ничего и не понял! Самое главное тебе уловить не удалось. Ну, помимо того, что это было нам интересно, хотелось выделиться, помимо того, что мы испытывали огромное влияние джазовых передач на «Голосе Америки» (знаю, что в СССР его нещадно глушили)... это был наш ответ не очень, мягко говоря, любимому социалистическому строю! Натее!!! Я объездил весь мир, мне удалось заработать, я встречался и работал с потрясающими людьми, но, если бы я этого не делал, путь у меня был бы один – в частушечный ансамбль при каком-нибудь ДК. А это было само по себе смешно, и жизнь свою тратить на это я не собирался – несмотря на подобие железного занавеса (повторюсь, с Союзом это не сравнить, но всё же), я прекрасно отдавал себе отчёт в том, что есть и другая жизнь, и карьеру можно сделать и по-другому, пусть и преодолевая трудности. Да и у кого, скажи мне, их нет, трудностей этих? Так что, если бы не социализм, не быть бы мне известным джазменом! (смеётся).

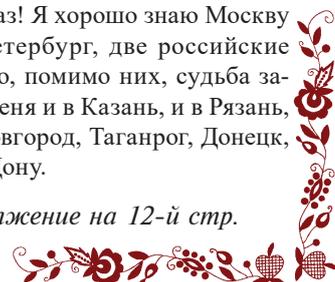
– *Вы работали со многими мировыми звёздами и выезжали в турне, о которых советские музыканты не мечтали...*

– Эти подробности ты можешь проверить на моей страничке в интернете. Например, играли с Роном Картером – необыкновенный талант!

– *А в Советский Союз вы приезжали?*

– И не раз! Я хорошо знаю Москву и Санкт-Петербург, две российские столицы. Но, помимо них, судьба закидывала меня и в Казань, и в Рязань, Нижний Новгород, Таганрог, Донецк, Ростов-на-Дону.

Продолжение на 12-й стр.

*Продолжение.
Начало на 10-й стр.*

ВСЕГО, конечно, я не помню. Вообще, логики в концертных трассах по СССР не было никакой – я не могу тебе сказать, почему графики составлялись именно так и не иначе, это за пределами моего понимания. Мы так и не были в Самаре и Екатеринбурге – городах-миллионниках, зато мы играли в городе Лодейное Поле. Слышал о таком?

– *Честно – нет.*

– Ну, вот. Публика в те годы набивала бы залы, даже, наверное, и в самом захудалом колхозе – сам факт приезда иностранного ансамбля был причиной аншлага.

– *А что запомнилось больше всего в СССР?*

– Было много интересного. Меня в своё время поразил тот факт, что в СССР издавали пластинки с моей музыкой – я об этом не имел никакого понятия, и как это увязать с авторскими правами (которых, по-видимому, в СССР не было) – не знаю. Факт остаётся фактом – много лет ко мне в СССР, а теперь и в России, подходят люди с этими пластинками за автографами, и каждый раз я диву даюсь, откуда она, пластинка эта, вообще взялась (*смеётся*). И ещё один смешной момент был. Ты знаешь, наш ансамбль пригласили однажды в СССР на запись – она должна была выйти потом на виниле на Апрелевском заводе грампластинок. Это было во второй половине 1980-х. Представь себе, делаем визы, приобретаются билеты, всё такое... прилетаем в Москву, и... ну, угадай? **НЕТ МЕСТ В ГОСТИНИЦАХ!** (*хохочет*). Оказалось, что ведомственной гостиницей приглашающая сторона не располагала, а в иных иностранцев по ряду каких-то административных причин, оставшихся за пределами нашего понимания, не селили! В тот же вечер мы улетели обратно в Польшу с инструментами, вещами и чувством глубокого удовлетворения.

– *Вы пишете музыку к фильмам. Эта часть вашего творчества известна на просторах бывшего СССР, предполагаю, больше всего.*

– Да, конечно, понимаю. Спрашивай! Я готов.

– *Расскажите о своём совместном творчестве с Юлиушем Махульским. Его фильмы с вашей музыкой – «Де Жа Вю», «Кинсайз» – абсолютная классика.*

Кшесимир ДЕМБСКИЙ: Смена занятий –

Собственно, забегая вперёд, все фильмы Махульского – классика комедийного жанра, многие из них шли в советском прокате в 1980-х, и тут я уже точно знаю, о чём говорю, потому что сам на них ходил ребёнком в кино.

– Ещё «Ва-Банк»!

– *Да, конечно! Давал ли Вам Махульский какие-то указания относительно музыки к фильмам? Как вообще шла работа?*

– Нет, мне предоставлялась полная свобода со стороны режиссёра. На определённом этапе мне просто помогало воображение. Например, как с «Де Жа Вю» – там надо было написать этакий одесский джаз, весёлый и задорный...

– *М-да. Я бы, наоборот, сказал, что получилась прекрасная стилизация под американский джаз 1920-х годов, в заглавной песне пели по-английски, а главный герой – американец (польского происхождения), обожающий джаз и приехавший из Чикаго!*

– Ну надо же! Видишь сам, сколько людей, столько и мнений. Я был уверен, что пишу одесскую музыку, с еврейскими, может быть, нотками. Конечно, по-хорошему, я должен был бы съездить в Одессу, проникнуться этим неповторимым духом, но в жизни

у меня не срослось с этим – я там не был. А вот то, как это воспринял ты, ещё раз доказывает бессмысленность режиссёрских указаний композиторам (так работали с композиторами режиссёры старой, классической школы, и именно поэтому звукояд там не всегда приводит зрителя в восторг, не говоря уже о том, как тяжела, нервно- и трудозатратна такая работа). Я имел такой опыт с чешскими режиссёрами. Но ты сам только что ещё раз убедил меня в том, что указания режиссёра не имеют первостепенного значения.

– *Ну, я – это я, а может...*

– Не может. Вот тебе пример: представь себе – мне звонят, оговаривают сумму контракта, предмет сделки – написать музыку к сериалу. В общих чертах – любовный сериал, без убийств и драм, пляжи, песок, закат, коктейли и бикини. Музыка должна быть незатейливая и спокойная. Пишу, отправляю, ура, все довольны, проехали. А сериал, если ты мало-мальски себе представляешь эту телекухню, это такая штука, когда снимают 132-ю серию, а сценарий для 133-140 серий пишут в это самое время в соседней комнате на коленке. Внезапно исполнитель главной роли по ряду причин отказывается от дальнейших съёмки (если контракт, конечно, позволяет). Делать нечего – его «убивают»

К. Дембский в жизни (слева) и в роли Дзержинского (справа).

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ!

*Ансамбль «String Connection», начало 1980-х гг.
К. Дембский — второй слева.*

в 134-й серии, а далее сюжет заворачивается в совершенно другом направлении. Со 135 серии и по 248 серию закручивается крутой детектив. В 300 серии появляется какой-то любовный треугольник. А рейтинг отличный, и конца — края сериалу не видать. Но денег и технических возможностей на изменение музыки, которая писалась, когда режиссёру сериал виделся серий этак на 50 в закатных красках и на мягком багамском песочке, уже нет.

— *То есть, может быть такое, что вы даже не читаете сценарий перед написанием музыки?*

— Ты знаешь, в ряде случаев, как, например, с теми же сериалами, это вообще занятие бессмысленное — я тебе уже объяснил, что сценарий и то, что в конечном итоге получается, это не одно и то же. Так что, при определённой доле воображения и везения можно обойтись и без чтения сценария.

Сейчас огромное развитие получили цифровые технологии. Теперь я пишу музыку к кино некими модулями, которые при желании можно соединить, порезать, укоротить, и так далее. Очень удобно! Разумеется, не в ущерб самой музыке — мы говорим только о технологии её создания.

— *Ну, а всё-таки, были моменты, на которых Махульский акцентировал внимание?*

— Фильм «Кингсайз». Ты, конечно, знаешь, что это никакая не фантастика, а острая политическая сатира?

— *Как и «Секс-Миссия» — не эротика...*

— Совершенно верно! Хотя голое женское тело там нет-нет, да мелькало.

— *С огромным трудом (детям до шестнадцати!) мне удалось пробыть в 1987 году в кино на «Новые амазонки» — так почему-то назывался этот фильм в советском прокате,*

ведь в СССР секса быть не могло. Я мало что понял в сюжетной линии фильма, и только лет десять спустя, посмотрев его дома на VHS, понял, как его нещадно порезали!

— Да, понимаю тебя и поддерживаю твоё негодование. Вырежи по паре эпизодов из любого фильма — и ничего не поймёшь! Так вот, вернёмся к «Кингсайзу». По сюжету, если помнишь, там были этикие гномики, которые ходили по бёдрам кинодивы Катажины Фигуры (*смеёмся вместе*), переходили мост из спичек... Технически такие вещи снимать было невероятно сложно — компьютерных эффектов у нас не было, да ты и сам понимаешь, если бы и были, это был бы мимолётный успех. К слову, массу фильмов тех лет смотреть практически невозможно из-за устаревших эффектов — просто какое-то позорище... Именно поэтому я рад, что «Кингсайз» — это не фантастический фильм, и эффекты в нём — не главное! Но усилия, повторю, прилагались. В том числе, и со стороны композитора. Так, например, чтобы усилить эффект в моменте перехода гномов через спичечный мост, по предложению Махульского использовалась вся мощь катовицкого симфонического оркестра радио и телевидения — на тот момент самого большого в Польше! То есть: тонюсенький мост — и оглушительная музыка! Такой вот контраст!

— *Расскажите о работе с детскими фильмами. В СССР была целая индустрия кино для детей...*

— В Польше тоже, но в последние 25 лет фильмов для детей практически нет. В чистом, первозданном виде эта индустрия киносказок существует для детей в Германии. Студия ЦДФ, слышал? И чехи, конечно. Я писал музыку, например, для «Соколиного короля» Вацлава Ворличка.

— *Мне сразу приходит в голову Анджей Малешка и его «Волшебное дерево» — это любимый фильм (и сериал) моей дочери. Расскажите, как шла работа над музыкой к этому кино?*

— Как ты справедливо заметил, это и отдельный художественный полнометражный фильм, и мини-сериал. Причём сначала был сериал, потом — фильм.

— *Мы организовывали в Красномдаре фестиваль польского кино «Висла», в рамках которого был показан фильм «Волшебное дерево».*

Продолжение на 14-й стр.

Окончание.
Начало на 10-й стр.

СРЕЖИССЁРОМ Анджеем Малешкой я знаком много лет. Ты, возможно, не обращал внимания, но, в первую очередь, это очень известный детский писатель – зайди куда-нибудь в «Эмпик», и ты увидишь, как минимум, отдельную полочку с его книгами для детей. Сейчас он отошёл (временно или навсегда – не знаю) от съёмок кино. Сконцентрировался на написании книг. А я его помню ещё как автора и режиссёра многочисленных театральных постановок и телевизионных спектаклей для детей в 1980-х годах – эти дети сейчас в твоём возрасте примерно. Фильмы его, такие как «Машина превращений» или то же «Волшебное дерево», любимы детьми, отмечены многими наградами, а в Японии, как это ни странно – просто невероятно популярны!

– Как вам работало над «Волшебным деревом»?

– Работа над детским кино – это не много другой жанр. И самому надо быть ребёнком, и думать как ребёнок. Малешке это удаётся, мне – сложный вопрос. Кроме того, именно при решении таких задач желания наши вступают в диссонанс с физическими возможностями и логикой. Ребёнку это в голову даже не приходит, поэтому для него нет проблем – он в принципе живёт в мире чудес. Как это отобразить на экране взрослому, который вырос, и в этот мир никогда не вернётся? Тяжёлая задача!

– Что именно вы имеете в виду?

– Поясню на примере. В упомянутом фильме есть эпизод, в котором дети сами едут в огромном автомобиле, который они сами себе и пожелали (волшебный стул из волшебного дерева, конечно, удовлетворил их просьбу). Съёмки протекали без компьютерных эффектов, и дети действительно ехали в этом огромном грузовике, но в чистом поле и со скоростью не более 10 км в час – из соображений безопасности. Малешка был в отчаянии – и требовал от меня искусственно ускорить темп музыки в этом моменте, чтобы казалось, что машина едет быстрее! Я упёрся и доказывал ему, что ускорение темпа музыки замедляет восприятие зрителем картинки на экране – так устроен человеческий мозг, воспринимающий импульсы, поступающие через глазной нерв. Пытался ему доказать, что в результате машина будет ехать ЕЩЁ МЕДЛЕННЕЕ.

В конечном итоге мы

Кшесимир ДЕМБСКИЙ: Смена занятий –

пришли к консенсусу – пересмотрите этот фильм ещё раз!

– Часто приходится идти на компромиссы?

– Случается. Новую версию фильма «В пустыне и пуще» по мотивам одноимённого романа Сенкевича, единственного его произведения для детей и подростков, режиссёр Гевин Худ создавал с оглядкой на современные реалии – нынешние представители чёрного континента считают, что Африка была совсем не такой, какой во времена колонизаторов её описал белокожий писатель Сенкевич. Изменились времена, изменились и нравы. Сам фильм тоже значительно отличается от сюжетной линии в книге. Музыка также создавалась с оглядкой на нынешнюю трактовку этого произведения.

– Следующий вопрос будет касаться обстоятельств съёмок фильма «Варшавская битва 1920 года». Как получилось, что вы сыграли там роль Дзержинского?

– Ой, это отдельный анекдот! Не секрет ведь, что Дзержинский – крайне негативно воспринимаемая поляками фигура. Как же так получилось? Ежи Гофман привлек меня к написанию музыки для этого фильма – чудо над Вислой, патристический пафос... ОК, написал, записал, отправил, и в какой-то момент я пришёл туда, где продолжалась работа над продукцией. Самое смешное, что я пришёл туда решить какие-то низменные бытовые проблемы – кажется, утрясти вопросы с бухгалтерией. Гофман пребывал в расстройстве. Дело в том, что все русскоязычные персонажи фильма должны были, по задумке режиссёра, быть сыграны русскими актёрами. Совместная работа с московскими агентствами по подбору актёров дала определённые результаты. Присланные пробы были хороши, были утверждены товарищ Ленин, товарищ Троцкий, товарищ Сталин... короче, вся шайка-лейка из этого «политбюро», кроме... Феликса Эдмундовича! У него, как известно, были узкие губы, несколько восточный тип лица, туберкулёзная худоба, наверняка – польский акцент при разговоре по-русски, и из присланных проб Гофман не утвердил никого.

А польских актёров на эти роли, повторюсь, он брать не хотел. В общем, я, ничтоже сумняшеся, занят обсуждением бумаг с бухгалтером, и в это время краем уха слышу крик – «Держите его! Лепите ему бороду!!!». Не обращаю внимания, в полной уверенности, что это касается не меня. Внезапно... не успел я сказать «раз-два-три», как попал в цепкие руки помощниц режиссёра, накладывавших грим актёрам. Через три минуты я имел бородку и парик Железного Феликса, на плечи мне накинули френч... И вдруг Гофман, пристально наблюдавший за всем этим безобразием, всплеснул руками и крикнул: «Боже! Посмотрите на это! У него же типичная рожа маргинала и преступника! НАТУРАЛЬНАЯ СВОЛОЧЬ!!! ЖУЛИК!!! Слава Тебе, Господи, ныне присно и вовеки веков – у нас есть Дзержинский!». Я, повторюсь, немного выпал из контекста, в руках у меня по-прежнему были счета и договоры, и я никак не мог понять, что же такого плохого я сделал Гофману? (хочоchem вместе так, что в какой-то момент пан Дембский вынужденно останавливает машину. Сзади нетерпеливо сигналият). Короче, весь следующий день посвятили съёмкам исключительно Феликса (не секрет, что всё моё время расписано по минутам на месяцы вперёд). Из всего этого великолепия в фильм попало немного (это всё к твоим вопросам о сценариях), и Дзержинский там практически молчит, но если говорит – то по-русски и с прекрасным польским акцентом (снова хочоchem). Это ещё не самое страшное! Мне ещё здорово попало от моей престарелой матери – она чуть инфаркт не получила, узнав, что я согласился на эту роль, и в эту историю верить не хотела (хочоchem).

* * *

Припарковав машину, ищем место проведения выставки. К нашему удивлению, улица Кошикова, и так не очень удобная для пешеходов (всюду идёт ремонт) в какой-то момент разрывается, а затем нумерация её домов продолжается вновь – метров через пятьсот. Это, конечно, последствия разрушений во время Варшавского восстания и дальнейшей послевоенной застройки. В какой-то момент моему собеседнику надоедают бесплодные поиски и внушительные

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ!

расстояния, которые надо преодолеть пешком, и мы по предложению пана Киесмира итурмуем варшавские самокаты. Мельком отмечаю про себя сюрреализм происходящего. Беседа, тем не менее, продолжается.

* * *

– Ну, а почему ты не спрашиваешь про работу над фильмом «Огнём и мечом»? В России вообще его знают?

– **Вы предвосхитили мой вопрос! Это очень любимый в России мини-сериал. Да и Михал Жебровский – очень популярный актёр, он снимался в русских фильмах, как и Богдан Ступка, их прекрасно знают! Не говорю уж о Домогарове.**

– А знают ли у вас песню «Хей, соколы»?

– **Это на Кубани-то? Конечно! Мы её поём на всех праздниках! Прекрасная песня, кажется, её написал какой-то украинец в XIX веке...**

– Поляк. Но у меня сомнения. Очень уж часто народные мотивы проникают в авторское творчество, и наоборот. Кстати, изначально предполагалось, что кроме этой песни, в фильме вообще не будет другой музыки. Это было бы очень нудно...

– **Ну конечно! Музыка к фильму у вас вышла такая же разноплановая,**

как и сам сериал! Одна сцена атаки казаков чего стоит!

– Самое смешное, что я написал всю музыку и записал её с оркестром за две недели.

– **Не может быть!**

– При этом именно в это время у меня случилось несчастье – скончался отец. Кроме того, состоялась премьера моего фортепианного концерта. Но контракт есть контракт!

– **Как же вы справились? А сценарий? Читали?**

– Наверное, сыграла моя казацкая кровь! (улыбается). Опять ты за своё. Не читал я никакого сценария, зачем? Я прекрасно знаю сюжет «Огнём и мечом» Сенкевича, и я ЗНАЛ С САМОГО НАЧАЛА, каким будет фильм! (я начинаю приглядываться к своему собеседнику внимательнее: жестикуляция, эмоции... да, на Кубани пан Кшесмир точно сошёл бы за своего! – Я.К.)

– **Вы часто дирижуете, руководите записью собственноручно написанной к тому или иному фильму музыки... как вам это удаётся?**

– Что ты имеешь в виду? Я ведь дирижёр и композитор по образованию. Мне это нетрудно (улыбается).

– **Нет, сформулирую вопрос по-другому: в голове не укладывается,**

как один человек, пусть и музыкант по образованию, может совмещать авангардный джаз, написание музыки к фильмам, написание классических опер и концертов, дирижирование и звукозапись?

– ...и преподавание, и чтение лекций, и написание шлягеров. Если честно – стыдно отдавать написанные мною партитуры каким-то иным дирижёрам. Творческий процесс – дело непростое, пишу музыку иногда огрызком карандаша, на клочках бумаги, да так, что кроме меня, пожалуй, никто это и не прочтёт. Что касается совмещения несовместимых, на твой взгляд, вещей... как тебе объяснить? Скажем так – мужчина, имеющий опыт с женщинами, всегда лучше обращается с женщинами, чем мужчина, который такого опыта не имеет. Человек, женатый второй раз, обращается со второй женой совсем не так, как с первой...

– **Склонен согласиться, как женатый дважды (хохочет оба).**

– ...так и с жанрами музыки, в общем. Меня это обогащает и развивает. А смена занятий – лучший отдых, как известно.

– **А что насчёт поп-музыки? Кайя, Рышард Рынковский, даже киноактёр Борис Шыц...**

– В первую очередь, песни я пишу для моей супруги – как ты знаешь, я женат на популярной певице Анне Юркштович. Редкий случай, когда жена – не только жена, но и первый слушатель, и, в дальнейшем, исполнитель твоих песен.

– **Трудно писать для жены?**

– С женой, которой эти песни петь, по-разному. А вот с технической стороны – не трудно. Дома есть MIDI – аппаратура, такая цифровая мини-студия, которая может поместиться у тебя в комнате, и не надо никуда ехать! Вместо записной книжки – компьютер. Цифровые технологии перевернули мир, в том числе и индустрию музыки, это бесспорно.

* * *

Наконец, мы находим выставку Падеревского, и на этом мы прощаемся. Только расставшись с паном Дембским, я соображаю, что был настолько поглощён беседой, что так и не сделал ни одного фото. Хорошо, у меня осталось совместное фото, сделанное в мае.

Ян КАРБОВНИЦКИЙ
24 ноября 2019 г., Варшава

**К ДВУХСОТЛЕТИЮ
СОКРАТА СТАРЫНКЕВИЧА
(1820–1907)**

ОБЛАДАТЕЛЬ Карты Поляка, я по многу раз и совершенно бесплатно бывал в Национальном Музее, комплексе Лазенки, в королевском дворце в Вилянуве и многих иных туристически значимых местах польской столицы, поэтому посещение этих *must-see* в компании толп туристов в мои планы никак не входило.

Искущённому исследователю Варшавы всегда хочется несколько большего. И мой выбор пал на Варшавскую станцию фильтров; интерес мой подогревал и тот факт, что в любое иное время попасть туда практически невозможно — это режимный объект, имеющий стратегически важное значение. Теоретически существует возможность посещения станции группой из 25 человек по предварительной договорённости (так сообщается на официальной страничке станции в сети Интернет), но на практике я не встречал варшавян, которым бы это удалось легко и просто.

Ночь музеев в версии станции фильтров Варшавы продолжалась с 18:00 и до 23:00. Каждые полчаса запускалась группа из 30 человек. Таким образом, путём нехитрого подсчёта я определил, что сегодня в Варшаве станцию смогут посетить всего 300 счастливых чиков.

На всякий случай, я решил приехать на Пляц Старынкевича (от кото-

ВАРШАВСКАЯ

Волею судеб в 2019 году на Ночь Музеев (всемирная акция, во время которой в вечернее и ночное время музеи всего мира открывают бесплатный доступ к своим коллекциям) я оказался в Варшаве.

подать до входа на станцию) в полшестого вечера. Каково же было моё изумление, когда я увидел нескончаемую череду из страждущих посетить этот уникальный объект! С бьющимся сердцем я побежал в конец, не забывая при этом считать стоящих в очереди. Я был 278-м! Таким образом, я попадал в последнюю группу, которая должна была быть запущена в 23:00, и, к сожалению, был обречён на 6-часовое топтание в хвосте. В качестве развлечения мне оставалась оборона своего места и совместное с другими товарищами по счастью отражение атак всевозможного рода хитрецов, пытавшихся пройти без очереди.

* * *

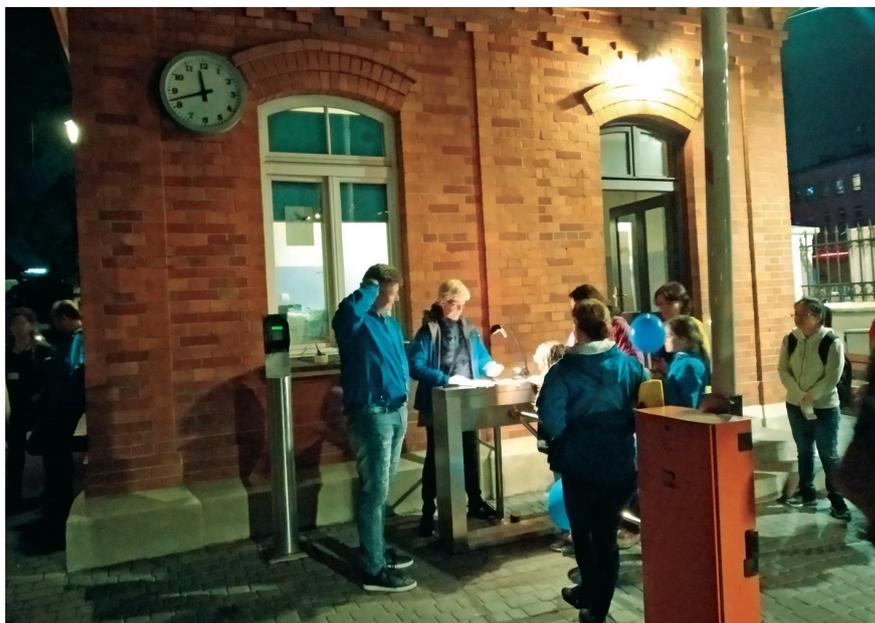
Многие наши соотечественники, приезжая в Варшаву и пользуясь общественным транспортом, по многу раз проезжают остановку «Пляц Старынкевича». Не все знают, что это — президент (городской голова) Варшавы в 1875–1892 годах. И немногие из них, к сожалению, знают, что

Сократ Старынкевич не был поляком.

Наш земляк, уроженец города Таганрога, из дворянской семьи, военный служащий, профессиональный артиллерист, служил старшим адъютантом 2-го конно-артиллерийского дивизиона (со 2 октября 1845 года по 12 июля 1847 года), затем адъютантом при дежурном генерале действующей армии (с 8 октября 1848 года по 1 июля 1849 года). Участник Венгерской кампании 1848 года.

С 1 февраля 1857 года по 28 сентября 1862 года Старынкевич являлся начальником отделения и дежурным штаб-офицером при начальнике главного штаба 1-й армии; 1 января 1859 года за отличие он был произведён в полковники.

Со 2 мая 1863 года по 30 августа 1868 года занимал он должность управляющего канцелярией Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора П.Е. Коцебу, затем был назначен херсонским губернатором.

Вход на станцию фильтров и соблюдение мер предосторожности

СТАНЦИЯ ФИЛЬТРОВ

24 октября 1863 года произведён в генерал-майоры на основании Манифеста 1762 года. 11 ноября 1871 года вышел в отставку. Некоторое время управлял поместьями князя Демидова-Сан-Донато в Подольской и Киевской губерниях и сумел сильно увеличить доход от них.

16 октября 1875 года вновь принят на службу в чине генерал-майора по предложению Варшавского генерал-губернатора Коцебу (того самого), получив назначение президентом Варшавы.

Один из резервуаров с фильтрующей водой

Поначалу жители Варшавы встретили его с недоверием. Жива была ещё память о подавлении Январского восстания 1863/1864 годов. Новый президент Варшавы демонстративно не говорил по-польски, хотя и прекрасно понимал польскую речь, а уж в симпатиях к польским вольнодумцам-сепаратистам его заподозрить было более чем сложно.

Зато когда в 1902 году Старынкевича хоронили в Варшаве, провожать его вышло более 100 тысяч горожан из проживавших на тот момент в Варшаве 450 тысяч. Чем же он заслужил такую честь?

В Варшаве тех лет не было канализации и водопровода, отвечавших нуждам быстро расширяющегося города. Растущее население производило всё больше отходов своей жизнедеятельности. В лучшем случае всё это, не мудрствуя лукаво, сбрасывалось в Вислу – в ту самую Вислу, из которой город и брал воду для своих насущных нужд, в том числе – для питья. Фекалии на задних дворах в выгребных ямах, канавки, напоминающие реки, через которые иногда приходи-

лось перебрасывать небольшие мостики, чтобы добраться до дома, были повседневной реальностью Варшавы к моменту появления в ней нового президента. Вонь стояла, хоть топор вешай, а в ряде случаев власти просто забивали ставни окон, выходящих на центральные улицы, гвоздями, чтобы никто не испытывал соблазн открыть окна. С запахами испражнений боролись водой с уксусом, табаком и специальной смесью сухих цветов. В течение многих лет выгребные ямы очищались самым примитивным способом — содержимое вычерпывали вёдрами и вывозили на

реку. Вспышки инфекционных заболеваний имели место регулярно, а средняя продолжительность жизни поляка-варшавянина не превышала по статистике того времени сорока (!) лет.

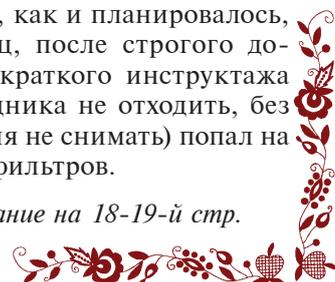
Старынкевич прекрасно понимал масштаб проблемы, и к тому же уже имел за плечами огромный опыт административной работы. Генерал обратился к британскому инженеру Вильяму Линдлею, работавшему в Германии, одновременно с трудом преодолевая бюрократичные препоны в столице Российской империи – Петербурге.

Примечательно то, что Старынкевич впервые, пожалуй, в истории обеих стран организовал публичные слушания по столь необходимому вопросу, обсудил с горожанами бюджет мероприятия, и в течение двух лет, с 1879 по 1881 год, сумел убедить Александра III утвердить проект и изыскать необходимые на то средства. В это время дом Старынкевича был открыт для любого горожанина. Общение происходило в двух вариантах: к президенту обращались по-польски, а он отвечал по-русски; если же визави не владел русским, Старынкевич непринуждённо переходил на французский.

* * *

В 23:00, как и планировалось, я, наконец, после строгого дозора и краткого инструктажа (от проводника не отходить, без разрешения не снимать) попал на станцию фильтров.

Окончание на 18-19-й стр.

Окончание. Начало на 16-й стр.

НА СТАНЦИИ, как оказалось, существует огромный, в несколько этажей, и очень интересный музей, несколько залов которого полностью посвящены проекту Линдлея.

* * *

Линдлей, проанализировав санитарно-эпидемиологическую обстановку в Варшаве, пришёл к выводу, что запитан город водой может быть только из Вислы — именно оттуда можно было взять необходимый для такого количества жителей объем воды. Она должна была фильтроваться, а забор воды должен был осуществляться из наиболее высокой точки — за Иерусалимскими заставами.

Были построены насосная станция забора воды и, собственно, станция фильтров для приведения воды в надлежащее состояние. Уже из фильтров вода попадала в резервуары для чистой воды, откуда закачивалась с помощью паровых машин в водопровод и доставлялась до потребителей так называемого Верхнего города (под своей собственной тяжестью вода текла по трубам только до районов Повисле и Праги — так называемого Нижнего города).

Сейчас, конечно, всю работу делает электричество, но примечательно, что во время немецкой оккупации Варшавы во время Второй мировой войны паровые котлы вновь запускались, и вода поступала в дома жителей Варшавы, как 60 с лишним лет назад. Интересный факт —

ВАРШАВСКАЯ

паровые машины чисто теоретически могут быть запущены и сейчас, и поэтому их хранят и обслуживают, как резервный источник мощности. Это те самые машины, которые были построены во время Старынкевича.

Линдлей-старший вскоре отказался от участия в проекте, и реализация его была поручена старшему сыну — Вильяму Линдлею-младшему. Он так ни разу и не приехал в Варшаву, хотя и числился главным инженером проекта; первая очищенная вода со станции фильтров попала в дома варшавян 3 июля 1886 года. Совокупная длина водопровода в то время достигла 18,1 км.

* * *

Фильтры, построенные тогда, до сих пор пребывают в неизменном виде и обеспечивают водой половину современной Варшавы. Построены они были из материалов наивысшего качества и с применением системы многократного контроля качества на всех этапах строительства. В этом — безусловная заслуга Старынкевича, не допустившего традиционного русского воровства и разгильдяйства.

* * *

Водопровод Линдлея сменил устаревший и переставший отве-

чать требованиям времени водопровод Маркони и Гротовского.

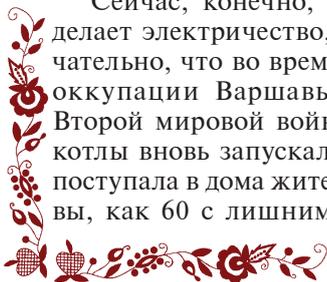
Средняя продолжительность жизни варшавян к концу правления Старынкевича увеличилась до 55 (!) лет.

Помимо того, что Старынкевич был инициатором устройства в городе водопровода и системы канализации, он также заложил первую в Польше конку. За 17 лет правления Старынкевича были вымощены улицы Варшавы, устанавливалось освещение, разбивались городские скверы, был построен газовый завод. Имел он репутацию честного и порядочного в своей финансовой деятельности администратора.

30 августа 1879 года произведён в генерал-лейтенанты.

Еще три года спустя, 30 августа 1892 года, произведён в генералы от артиллерии с увольнением от службы с мундиром и пенсией. Остался жить в Варшаве.

Умер в 1902 году, похоронен на православном кладбище в Варшаве. Его похороны, как я уже писал, превратились в траур национального масштаба. Варшавяне до сих пор считают, что в истории города это был лучший президент столицы, хоть и русский.

СТАНЦИЯ ФИЛЬТРОВ

*Памятник
Сократу Старынкевичу*

* * *

В 1907 году в Варшаве установили памятник Старынкевичу — бронзовый бюст на постаменте розового подольского мрамора. Это был единственный памятник русскому деятелю, уцелевший во времена II Польской Республики. Во время немецкой оккупации во Вторую мировую войну бронзовые части памятника были сняты для переплавки, но постамент сохранился. В 1996 году он был восстановлен управлением варшавского водопровода.

Однако он находится на закрытой охраняемой территории станции фильтров, в связи с чем его посещение затруднено, поэтому счастливых, видевших его, среди туристов почти нет.

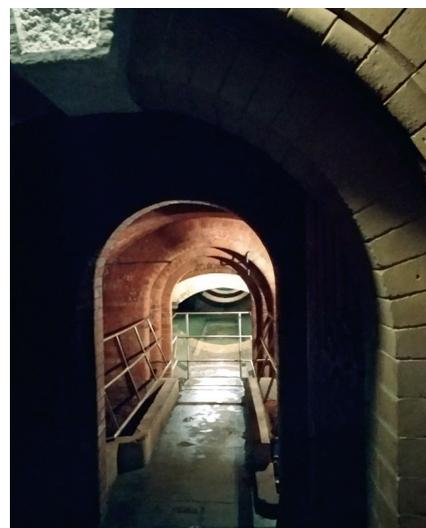
С тех пор и всякий раз, пользуясь водой (а в Варшаве, как и везде в Польше, воду можно пить из крана, не опасаясь за своё здоровье), я, как и тысячи варшавян, вспоминаю Сократа Старынкевича.

* * *

Ещё немного о дальнейшей истории семьи Старынкевичей.

О потомках его не было известно практически ничего,

но в 2000 году в Историческом музее Варшавы на выставке «Санкт-Петербург и Варшава на стыке XIX–XX веков» внезапно появилась правнучка Сократа Старынкевича Елизавета Старынкевич-Милле. Её появление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Куратору выставки — Анджею Солтану — она позднее подарила копию дневника Сократа Старынкевича, написанного в 1887–1897 гг. Он был опубликован в 2005 году на польском языке, и из него я узнал, что потомков генерала ждала нелёгкая судьба. Самый старший из четырёх его сыновей, Александр, работая хирургом в одном из варшавских госпиталей, умер в 1883 году, заразившись во время операции от пациента. Младший из сыновей, Павел, умер от чахотки. Третий сын, Константин, избрал карьеру военного, дослужился до генерала, и, занимая пост симбирского губернатора, погиб в 1906 году от бомбы революционера-террориста. Последний сын, Дмитрий, был анархистом, сочувствовал революции, и известно лишь, что он скончался в 1919 году в Ростове-на-Дону. Са-

мый младший ребёнок — дочка Мария — умерла от голода в блокадном Ленинграде в 1941 году.

Ян КАРБОВНИЦКИЙ

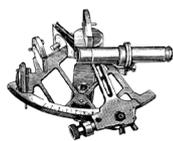
**Кароль Ольгерд Борхардт
(1905–1986)**

В 2011–2018 годах на страницах «Польских ведомостей» был опубликован перевод на русский язык сборника рассказов Кароля Ольгерда Борхардта «Значит Капитан», который в 1960 году стал его триумфальным литературным дебютом и навсегда вошёл в канон польской литературы. В 1963 году вышла следующая книга Кароля Ольгерда Борхардта «Крейсер из-под Сомосьерры», представляющая собой дополнение к первой, её продолжение и эпилог. Рассказы, вошедшие в книгу, так же тесно связаны между собой личностью автора и местом действия — палубами судов и морем.

Сборник рассказов «Значит Капитан» готовится к своему первому на русском языке книжному изданию, а первые рассказы из книги «Крейсер из-под Сомосьерры» мы впервые на русском языке отдаём в руки нашим читателям.

ЭКЗАМЕН

Дни, потраченные на усвоение теоретических знаний, тянулись в Тчевском морском училище долго и монотонно в отличие от месяцев, проведённых в море на учебном судне «Львов», которые

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

улетучивались как сон — неуловимо и стремительно.

С восьми утра занятия протекали на «курсах», а проще говоря, в классах бывшей женской школы. По инициативе организатора Морского училища и её первого директора — морского инженера Антония Гарнушевского¹ — в марте 1920 года это здание стало первой в нашей истории *Alma Mater Mariniensis*, над которой 8 декабря 1920 года впервые был поднят морской флаг. 21 июля 1920 года в Голландии был заключён договор купли-продажи, на основании которого фрегат с символическим для нас названием «*Nest*» («гнездо»), подысканный инспектором Морского училища, капитаном дальнего плавания Густавом Каньским², стал «Колыбелью навигаторов». С бизань-мачты «*Nest*» были удалены реи, что превратило его в барк, который в качестве учебного судна получил название «Львов». Первый литературный двухнедельник кадетов Морского училища, названный «*Stella Polaris*», вышел 15 декабря 1920 года.

В четырнадцать тридцать занятия заканчивались. После обеда, который подавался в огромном спортзале, позволялось прилечь в открытой до шестнадцати часов спальне. Во время этого перерыва в

занятиях мы в наибольшей степени ощущали ностальгию по родному дому. Кульминация неизменно приходилась на второй десерт, когда очередь доходила до содержимого посылок из дому, которое по традиции делилось без остатка между всеми обитателями спальни.

Милую послеобеденную сесту прерывал неумолимый дневальный со связкой ключей. С его приходом надлежало спальню привести в идеальный порядок, открыть окна, а самим перебраться на «курс». Дневальный замыкал спальню после дошной проверки её состояния, за которое отвечал перед дежурным воспитателем.

На «курсе» начиналась самоподготовка. Как на серую нить нанизывались часы в прозаической попытке что-либо вызубрить и в чём-то разобраться.

Прежде чем мы брались за учёбу, на «курсе» кипели страсти по не терпящим отсрочки личным делам, не охваченным никакими уставами.

Практически у каждого обнаруживались какие-нибудь увлечения, которые не всегда совпадали с определением английского слова «хобби», но цель имели ту же — отвлечь от непрерывных размышлений об учёбе.

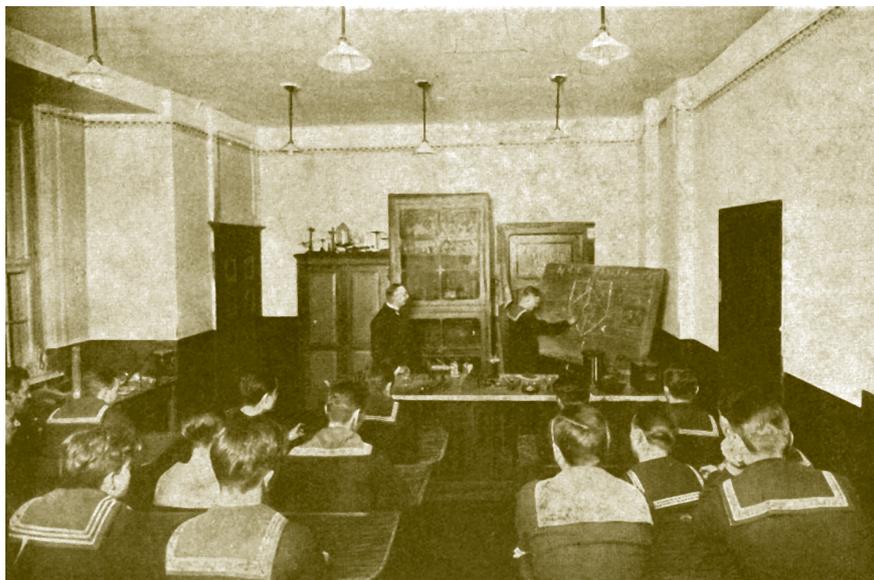

На занятиях по девиации

¹ Антоний Гарнушевский — первый директор училища, автор учебников «Конструкция корабля» и «Теория корабля» (примечание переводчика, далее — переводч.).

² Густав Каньский — первый руководитель Судоводительского отделения и инспектор училища, автор учебников: «Морская практика» и «Описательный курс лоции» (переводч.).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

На занятиях по электротехнике

Аудитории «курсов» были обширны, если принимать во внимание относительно малую численность кадетов. В углу зала, у окна находилась кафедра — трибуна на подиуме. С противоположной стороны, у самой стены, стояли парты в три ряда по несколько в каждом. Двухместные парты были детских размеров, и мы с трудом в них умещались. Между кафедрой и первым рядом парт оставалось небольшое пространство, занимаемое обычно фехтовальной парой. Фехтование в училище невозможно было отнести к хобби. Это было пристрастие.

Восхитительнее всех на курсе фехтовал «Пиглу»³. Если бы он отпустил усы, то вполне мог бы играть роль Харлампа⁴ при взятии Тыкотина, причём в момент гибели князя.

Пигел владел шпагой, кистью, тремя языками, смычком, батутом и фортепьяно. В обеденную пору в спортзале квартет, облачённый в белую тропическую форму, играл новейшие шлягеры под управлением Пигела. Самыми любимыми в те времена были «Милая девушка из Барселоны» и «Браво-бис».

«Самоподготовку» Пигел начинал с четвертьчасового поединка

на шпагах — дольше ни один из его соперников не был в состоянии выдержать серии болезненных уколов в живое тело. Каждый укол сопровождался изящным отданием чести шпагой. Любой укол мог отзываться болью в течение нескольких дней, но это никогда не сказывалось на числе сражающихся.

Под звон скрещённых шпаг каждому из следующей пары фехтовальщиков казалось, что он — капитан Блад, захватывающий неприятельский корабль. Пигелу ещё удавалось чудесным образом сотворить сочную акварель прежде, чем он преспокойно брался за учёбу.

Место со стороны окна на первой парте занимал «Дызь»⁵, вечно погружённый в орнитологию или в труды Дарвина на французском языке. Дызь, обязанный своим прозвищем Жеромскому, владел боксёрскими перчатками, и по этой причине повреждённые барабанные перепонки стали причиной его первой степени музыкальности. На кадетском языке это обозначало, что он «разбирается, когда — играют, а когда — нет». Вместе с тем он был лучшим вратарём училищной

футбольной команды и лучшим знатоком русской литературы.

Рядом с Дызем сидел постоянно занятый проверкой точности своих расчётов «Жених». Для полноты счастья ему доставало суммы в две тысячи триста двадцать пять золотых и пятнадцать грошей. Эта наличность позволила бы ему жениться и стать счастливым. В сумму вошли и свадебный букет, и ночные туфли для него и жены. Пока же с этой целью была отложена сумма, выражающаяся тремя последними цифрами, причём первую от двух остальных отделяла запятая.

За средней партой устроился «Подстаканник», который за время пребывания в Морском училище невероятным образом освоил стенографию и бегло овладел английским языком. Он стенографировал все лекции, а прозвищем Подстаканник наградила его Дызь, который говорил о нём так: «Чтобы не расшибиться, воображает, будто носит на голове стакан с холодной водой, и поэтому шествует столь степенно».

За Подстаканником сидел обладатель самого творческого на «курсе» ума, который учился «через силу», а не «по уму», по прозвищу «Семафор». По случаю отсутствия польских пособий нам приходилось учиться по учебникам на иностранных языках. Семафор ненавидел новые названия и старался все их переделывать на свой манер или же менять на уже усвоенные. Астрономические ежегодники, называемые на греческий манер ЭФЕМЕРИДАМИ, он именовал также по-гречески — ГЕМОРОИДАМИ. Тригонометрическую функцию с латинским наименованием *SEMIVERSUS* он называл не иначе, как впечатляющим с детских ещё лет греческим словом СЕМАФОР. Неменьшие трудности вызывала у него теория корабля.

Продолжение на 22-й стр.

³ *Пиглу (Пигел)* — прозвание кадета Михаила Лещинского (1906–1972), будущего капитана дальнего плавания (далее — к.д.п.) и всемирно известного под именем Майкл Лестер художника (*переводч.*).

⁴ *Харламп* — персонаж «Трилогии» Генрика Сенкевича (*переводч.*).

⁵ *Дызь* — прозвание кадета Казимира Пётрусевича от имени персонажа «озорной Дызь» из романа Стефана Жеромского «Бездомные» (*переводч.*).

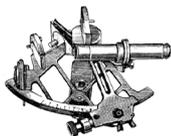
ПРЕПОДАВАЛ её директор училища, который с золотой медалью окончил судоводительское отделение, а затем и кораблестроительный факультет. Концентрация на таком уровне штурманских и кораблестроительных знаний ввергала Семафора в ходе ответа в самую собой разумеющуюся панику.

Метацентрическая высота, по мнению Семафора, была понятием абстрактным и существовала исключительно в воображении директора. Поэтому заучить её на память можно было лишь путём долгой и изнурительной зубрёжки отдельных фраз. Этот способ учёбы Семафор применял и к другим предметам, чем однажды чуть не довёл инспектора Морского училища до тяжёлого расстройства.

Инспектор преподавал морскую практику и был, как и все другие, требователен, да к тому же весьма скрупулёзен. Однажды Семафор, отвечая на вопрос инспектора, каким образом производится погрузка на судно животных, объединил в одно два зазубренных предложения. В результате мы узнали, что свиней следует грузить пучками, связывая их за хвосты. Инспектор, услышав это, покраснел, затем побагровел и стал что-то сам себе рассказывать. Что он там себе наговорил, навсегда осталось для нас тайной.

В среднем ряду за партой у стены сидели «Жбик» и «Виткосик» — живое подтверждение закона, что противоположные полюса притягиваются. Жбик вёл бурную жизнь, а Виткосик проводил её в мечтах. Жбик был главным партнёром Дызя в битве по барабанному перепонкам и футбольному мячу при первом же удобном случае. Виткосик же в это самое время в мечтах совершал в одиночку походы на яхте среди южных островов Океании. В полной гармонии шло у них только изучение английского языка.

Угол аудитории занимала компания из четвёрки, прозванной по первым буквам фамилий — «БеЦейотКа». Эта компания дважды в неделю устраивала собрания. На каждом из них обязательно звучало получасовое выступление, которое по непонятным причинам всегда называлось «инаугурационным». Выступаю-

Королева Бона Сфорца

щий в знак признательности за выслушивание получасовой речи был обязан одарить терпеливых слушателей плиткой шоколада. В составе компании были два ярких выдающихся индивида: «Це», игравший на гитаре, да ещё и защитником в футбольной команде, и «Ка», который на суше стремился к достижению воображаемого идеала человека моря и к глубоким штурманским знаниям. «Ка» стал общим укором совести для всей компании и страдал из-за несовершенства «БеЦейот» в работе над собой, безрезультатно пытаясь увлечь их личным примером. Он был братской душой для инспектора: оба мучали всех, принуждая к систематичности и пунктуальности в учёбе и работе. Остальные двое не обращали на себя особого внимания собственным поведением.

Кафедра в углу аудитории, на которой можно было удобно разложить бумаги и, сидя на стуле, обеспечить себе свободное пространство, становилась иногда яблоком раздора. Те, кто вёл обширную переписку, старались захватить это замечательное место до прихода остальных, отказывая себе при этом в отдыхе и втором десерте в спальне. Чаще всего за кафедрой можно было обнаружить обложенного письмами, скоросшивателями в кожаных переплётках, коллекцией разноцветного сургуча и свечой в

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

подсвечнике, поглощённого сочинением посланий полиглота и выпускника кинематографического училища, а ныне — нашего коллегу «Сфорца».

Его род со времён королевы Боны пользовался гербом «Сфорца», и наш Сфорца нёс бремя обязанности, которая издревле переходила на младшее поколение, — поддерживать фамильные связи широко разветвлённого семейства. Сфорца отлично разбирался в СФРАГИСТИКЕ. Под этим словом, которое необычайно раздражало Семафора, скрывалась наука о печатях. Цветной сургуч использовался с целью обозначения истинного родового статуса. Лица, наиболее достойные по возрасту или положению, получали его письма, опечатанные белым сургучом. С потемнением сургуча блекло сияние конкретного лица и его достоинство. Красный сургуч Сфорца не использовал никогда, утверждая, что это — привилегия почты. Он пытался долгими лекциями ввести нас в историю печатей Китая, Англии и Франции. Рассказывал о изысканности своего сургучного арсенала, при помощи которого путём едва скошенного отпечатка гербового знака разрывались отношения с адресатом, хотя из содержания письма этого не следовало. По мере расширения переписки пришло понимание её ограниченности. Родные и знакомые не были достаточно рассеяны по миру. Сфорца сумел установить связи с филателистами и затеять переписку со всеми уголками земного шара. Наибольшим успехом у него пользовались небольшие островки, которые можно было отыскать лишь на подробнейших картах большого масштаба. Лица, с которыми он таким образом вёл переписку, не были столь знатны, как ему хотелось, поэтому, когда прочёл он в английской газете, что король Англии Георг V ищет покупателя на один из островов в проливе Ла-Манш, принадлежавшего ему лично, Сфорца немедленно завёл переписку с канцелярией Его Королевского Величества и вступил

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

в переговоры о приобретении для себя этого королевского уголка. В училище приходили письма, в которых «король» величал его: *comte*⁶. Он получил замечательно иллюстрированные описания в невиданных нами до сих пор обложках. По их иллюстрациям можно было реально представить себе прелесть и красоту всего острова. Вечерами Сфорца корпел над приложенными балансами будущей резиденции и тщательно изучал ожидающие его доходы и расходы. Письма содержали просьбу назначить порт, куда за ним могла бы зайти королевская моторная яхта, чтобы наш *comte* мог лично убедиться в достоинствах предлагаемого ему острова. Сфорца постоянно откладывал срок путешествия в качестве королевского гостя и лишь аккуратно отнимал и складывал, сидя за кафедрой, цифры в столбиках. Когда это занятие ему надоело, он старательно сворачивал свою канцелярию и уступал место с нетерпением его ожидающему «Магистру Магии».

Магистр становился на подиуме за кафедрой, изящно кланялся, будто перед ним были не с десятка полтора коллег, а аудитория из отборной публики. Своё выступление он неизменно начинал со слов: ЛЮБЕЗНЫЕ ГОСПОДА! — и демонстрировал привезённые из дому «экспонаты» либо находящиеся под рукой предметы, которые его слова обращали в вещи необычайно ценные, иногда прямо-таки чудесные и гениальные.

Одним из жутких выступлений представлялась демонстрация черепов: маленького и большого. Держа в одной руке высоко поднятый малый череп, он проникновенно и убедительно сообщал, что это — подлинный череп Гёте в одиннадцатилетнем возрасте.

— На черепе, — вещал Магистр, проводя пальцем по своду у глазниц, — уже в этот период мы можем наблюдать предзнаменование гениальности, в полной мере подтверждённое лежащим тут же большим черепом поэта,

которым мне удалось обзавестись исключительно для себя.

Эта программа быстро всем надоела, и Магистру пришлось переходить к делам более актуальным. Демонстрируя небольшой деревянный фиксатор оконной рамы и деревянную полуметровую линейку с миллиметровой шкалой, Магистр объяснял, что это — недавно изобретённый им инструмент, с помощью которого дифференциальное и интегральное исчисления превращаются в детскую забаву.

— Любезные господа, обратите внимание, что функция локализована в моей левой руке, а производная функция — в правой. Если я смещу свою производную функцию, и она прирастёт, то и её функция соответственно трансформируется. Разность в смещении столь бесконечно мала, что ей было присвоено наименование ДИФФЕРЕНЦИАЛ.

Приближаясь к концам линейки, они достигают своих максимальных или минимальных значений. Иначе говоря, если производная функции равна нулю, я прикладываю короткую часть моего универсального движка к одному из концов линейки. В этом случае моя функция проходит через минимум или максимум, в чём, как я уже говорил, любой ребёнок разберётся.

Если линейку искривить и коснуться её короткой частью движка, то таким образом будет проведена касательная к кривой, а

Король Георг V

вы все сможете точно определить её вектор.

Если к движку подвесить обычные карманные часы, то, снимая показания в последовательных точках местонахождения моей короткой части движка, будет возможно определить зависимость пути x от времени y , а моя производная обозначит скорость в данный момент x .

Следует отметить, что, поскольку всё совершается столь стремительно, то это движение вы вполне можете полагать равномерным.

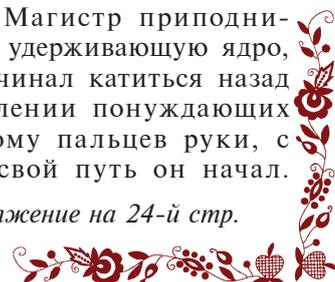
Ещё несколько слов о загадочном ИНТЕГРАЛЕ. Как вы не успели даже заметить, дифференциал является бесконечно малым приращением функции. Вся же моя функция — это сумма приращений. Таким образом мы можем определять длину кривых и площадей моей линейки. То есть мы с вами произвели ИНТЕГРИРОВАНИЕ, конечно же в определённых пределах. Само же интегральное исчисление обратно дифференциальному. Что и было подтверждено моей универсальной вычислительной линейкой.

Не меньшим успехом, чем манипулирование математическими понятиями, пользовались демонстрации упражнений Магистра с метательным ядром. Металлический шар весом в несколько фунтов катился как живой с одной приподнятой и вывернутой назад руки, представляющей собой как бы луч креста над кафедрой, перекачивался над локтем, взбирался на плечо и над согнутой в этот момент шеей, перемещался на второе плечо, чтобы по вытянутой второй руке, как лучу креста, наклонённому к полу, перекатиться над локтем и попасть в расставленные пальцы второй руки.

Затем Магистр приподнял руку, удерживающую ядро, и шар начинал катиться назад в направлении понуждающих его к этому пальцев руки, с которой свой путь он начал.

Продолжение на 24-й стр.

⁶ *Comte* (фр.) — граф (переводч.).

ЭТО был самый эффективный номер, который и обосновывал его заслуженный титул «Магистра Великой Магии».

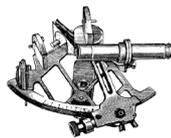
По мере того, как зима завершалась и день прирастал, повышалась интенсивность занятий на курсе. Всё меньше времени уходило на *hobby*. Одни учились допоздна, другие поднимались в четыре утра. Училищный сторож, дежурящий в здании по ночам, с приближением экзаменов получал всё больше записок, в которых с небольшими отличиями в деталях присутствовал один и тот же текст: «Пан Майоровский, разбудите меня, пожалуйста, в четыре утра. Спальня седьмая, койка вторая от стены справа».

Эти кипы записок означали, что либо ты что-то будешь знать, либо готовься училище покинуть — других вариантов не было. На курс принималось тридцать кандидатов. Пока что его оканчивало, считая с первого набора по годам: пятнадцать, тринадцать, девять и семь выпускников.

Поэтому приходилось отдавать предпочтение знаниям. Экзаменаторы были такими же беспощадными, как и море, которое не признавало присказки «как-нибудь обойдётся».

Экзаменов боялись все. Каждый мог споткнуться при выведении формулы по девиации или астронавигации, но неумолимый крах нависал над Магистром Магии. Магистр с лёгкостью манипулировал дифференциалами, но одолеть английский ему не удавалось. Уже на первом курсе коллеги советовали ему стать зятем преподавателя английского языка, капитана австрийского военно-морского флота⁷, женатого на англичанке, дочь которого Бетти пользовалась огромным успехом. «Лишь она может тебя спасти, — говорили они, — от провала на экзамене, если скажет отцу, что ты её, ты её парень. Это было бы совсем так, как в «Крестonosцах». Бетти могла бы сыграть роль Дануси, а ты — Збышека».

К сожалению, интересы Магистра устремились в совершенно ином направлении, поэтому единственный путь к спасению, определённый коллегами, закрылся

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

по случаю его самоубийственной любви, но вовсе не к Бетти. Это был «смех сквозь слёзы», но лишь до момента сдачи экзамена.

Магистр был знаком с английским алфавитом, но понятия не имел, как буквы должны звучать. Читая английский текст, он произносил все слова так, будто они были исконно польскими. Усвоенную с детских лет букву «i», как «и», он не был в состоянии заменить на «ай».

— По какому праву Ай? — это была для него настоящая магия.

Не все коллеги могли сравниться с Подстаканником в освоении основ английской фонетики, грамматики и синтаксиса, полагая некоторые из них непомерно сложными. Но Магистр оставил позади даже самых слабых — всё, что касалось изучения английского языка, было для него не сложным даже, а прямо-таки, по его же определению, туманным и непостижимым.

Вопреки надвигающейся и, по всеобщему мнению, несомненной катастрофе, Магистр Магии решил не сдаваться, и стал готовиться к письменному экзамену.

Поскольку выучить на память несметные темы сочинений за несколько лет, а точнее, «зазубрить» дословное их написание, превосходило человеческие возможности даже обладателя титула Магистра Великой Магии, он пришёл к выводу, что из всех тем можно составить одну универсальную, у которой можно было бы менять лишь название. Это могло быть «Извлечение из судового журнала о несчастном случае с матросом», «Записки моряка», «Любопытное приключение со мной», «Рапорт портовым властям о происшествии», «Мой друг Эдди», «Мой первый день на судне». Сочинение, разработанное всеобщими усилиями, Магистр многократно переписывал по ночам. Этому упражнению было посвящено столько времени, что идентичный текст Магистр мог бы воспроизвести даже в случае, если бы он был написан по-китайски.

Началась экзаменационная пора. Экзамен по английскому проходил в самой большой аудитории. Капитан, преподаватель и отец Бетти в одном лице,

Капитан ВМФ Ян Роиньский с дочерью Эльжбетой

⁷ Ян Роиньский (1878–1942), капитан Польского ВМФ. В 1920–1927 гг. преподавал в Морском училище английский язык (переводч.).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

К.д.п. Густав Каньский, инспектор Морского училища

с изумлением во взгляде следил за пером Магистра, пишущего «Рапорт портовым властям о несчастном случае, имевшем место на судне». Преподавателю казалось, что ему это снится наяву, или же, что он стал свидетелем чуда. Без посторонней помощи Магистр исписал два экзаменационных листа и был первым абитуриентом, справившимся с письменным заданием по английскому языку. С тем же, похоже, ощущением сна наяву и участия в чуде капитан внутренне согласился дать работе оценку **УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО С ПЛЮСОМ** со следующим замечанием: «Оценка снижена, поскольку работа написана с отклонением от темы».

Оставалась ещё и устный экзамен. В состав экзаменационной комиссии по английскому языку входили представитель министерства, инспектор и сам капитан в качестве экзаменатора. В блокнотике отца Бетти были выписаны оценки всех ответов Магистра, ни один из которых не был оценён как удовлетворительный. Магистр годами учёбы волочил за собой эту единственную допускавшуюся двойку, как ядро, прикованное к ноге и готовое именно сейчас его утопить.

Ещё до устного экзамена Магистр попросил коллег сориентироваться, знает ли английский представитель министерства? Те, кто уже сдавал, утверждали, что

представитель наверняка с английским не знаком, коль скоро во время экзамена с инспектором он разговаривал по-французски, а с капитаном — по-немецки. Магистр, услышав это, оживился и отправился готовиться к ответу.

В экзаменационном зале он появился тщательно выглаженным и щегольски принаряженным. Выглядел так, словно только что покинул витрину первейшего салона мод. Магистр представился председателю, отдал честь представителю министерства и предстал перед экзаменатором.

Добрые небесно-голубые очи отца Бетти при виде Магистра затуманились от грусти. Инспектор, которому мягкое сердце не позволяло присутствовать при избииении младенцев, встал и отошёл к окну.

Теперь перед Магистром оставались двое: представитель и экзаменатор. На представителя Магистр смотрел с таким неподдельным доверием и уважительностью, что тут же вызвал к себе особый его интерес, выигрывая по очкам главное впечатление, оставленное безупречной позой идеального абитуриента.

Экзаменатор страдальчески склонил голову и с грустью в голосе, подавая Магистру открытую книгу, сказал по-английски:

— Прочтите, пожалуйста, биографию Вашингтона.

Магистр принялся читать. Модулировал он выразительно и отменно делал паузы. Читал так,

как умел по-польски. Написанное «*the*» — это «тхе», а «*b*» — это «бэ», а не какое-то там «би». Невыразимое страдание не покидало лица капитана. Припоминая весь период учёбы этого кадета, он нисколько не сомневался в ТАКОМ финале.

Магистр продолжал читать. Поскольку экзаменатор не прерывал, речь текла всё свободнее и красивее. Наконец, прервал. Этот момент был особо отмечен щелчком каблуков. Затем он глубоко поклонился всем корпусом в сторону представителя министерства, положил книгу перед экзаменатором и застыл в позе, выражающей ожидание светлого будущего.

Представитель отметил отменно пошитую форму, великолепное телосложение абитуриента, изящно завязанный галстук. Вся фигура говорила сама за себя. Представитель не сомневался, что из всех сдававших именно этот прочёл предложенный текст наилучшим образом.

С нескрываемой симпатией он рассматривал будущего офицера торгового флота.

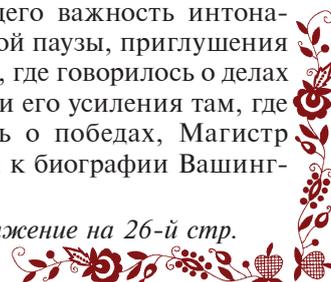
Экзаменатор взял в руки книжку и с отрешением в голосе нанёс смертельный удар, произнося по-английски:

— Пожалуйста, перескажите то, что вы прочли.

После этого распоряжения Магистр позволил себе стойку «слегка-вольно». Взгляд его был направлен вверх, будто бы где-то там, в бесконечности можно было разглядеть Вашингтона.

Лицо экзаменатора покрылось печалью. Магистр Магии сосредотачивался. В следующий миг его симпатичное лицо озарилось очаровательной улыбкой. Улыбка эта явно свидетельствовала о полном владении темой и знании предмета. Со свободой оратора, понимающего важность интонации, каждой паузы, приглушения голоса там, где говорилось о делах грустных, и его усиления там, где говорилось о победах, Магистр приступил к биографии Вашингтона:

Продолжение на 26-й стр.

-УОШИНГТОН...
эй би си ди и эф
джи. Уошингтон
даблью экс уай зэт. Кэй... эл
эм оу пи, Уошингтон эй
би си ди и эф джи.

В буквальном изложении это звучало так:

— *Washington... a, b, c, d, e, f, g. Washington w, x, y, z. K... l, m, n, o, p. Washington a, b, c, d, e, f, g.*

Магистр вызубрил английский алфавит на память, но произношение только слегка напоминало английское. Кроме того, ему удалось запомнить словосочетание *nearly stationary*, обозначавшее нахождение парусника в дрейфе, то есть с парусами, установленными по отношению к ветру таким образом, что судно практически оставалось без хода. Продолжал он говорить со свободой и большой дозой восхищения первым президентом Соединённых Штатов:

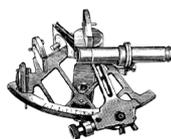
— Н и р л и с т а ш й о н е р и, У о ш и н г т о н... кэй, эл, эм, эн, оу, пи У о ш и н г т о н эй би си ди эф джи. Кэй эл эм эн оу пи У о ш и н г т о н эй би си ди. У о ш и н г т о н... экс уай зет н и р л и с т а ш й о н е р и, У о ш и н г т о н даблью...

На лице экзаменатора появилось и застыло выражение оцепенения. Ещё проявлялись на нём следы протеста, но уста в тот момент окаменели и не были в состоянии, ни говорить, ни закрыться.

Магистр Магии уже четырежды поставил Вашингтона в дрейф и превратил его в одну из букв алфавита, появление которой можно было ожидать после любой другой. Он появлялся неожиданно среди гласных или же перед буквами, обозначающими исключительно неизвестные. Сознание экзаменатора, который ещё слышал, воспринимало звуки: «а бэ цэ дэ Вашингтон, ку эр эс, Вашингтон — лечь в дрейф». Когда Магистр ставил этого великого вождя в дрейф, то повышал тон, и гремел так, будто бы эти слова обозначали выигранные битвы.

— У о ш и н г т о н н и р л и с т а ш й о н е р и экс уай...

Удовлетворение и одобрение своего произношения, отмеченное на лице представителя, ещё

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

больше подхлестнули Магистра. Непрестанная модуляция всё больше украшала его речь. В момент, когда представитель наклонился к экзаменатору, чтобы прервать излишнюю проверку столь замечательного умения и владения английским языком, Магистр сам решился на эффективное завершение:

— У о ш и н г т о н экс уай ЗЭТ!

В качестве главной буквы, предваряющей три, символизирующие в математике неизвестные, великий президент завершил свою карьеру согласно жизнеописанию Магистра Магии. В максимальной степени акцентуруя ЗЭТ, Магистр завершил свой красочный рассказ.

Слегка щёлкнув каблуками, испытываемый поклонился представителю министерства.

Представитель пришёл в восторг. Он отказался от мелких вопросов по грамматике и синтаксису, и сам вместо экзаменатора поблагодарил Магистра за превосходное владение английским и за усилия, вложенные в освоение морского языка, проявившиеся в его ответе.

— Отлично! — добавил он, при виде улыбающегося Магистра, своё мнение экзаменатору, к которому не вернулся ещё дар речи, и только лишь с усилием сумевшему прошептать в адрес абитуриента от себя:

— *Thank you.* Спасибо.

В сознании капитана всё ещё тянулась борьба между долгом и восхищением от проявленных абитуриентом самообладания и хладнокровия. Наконец, победило в нём родившееся в ходе экзамена убеждение, что этот человек и в жизни с английским справится.

Затем последовало долгое обсуждение с представителем итоговой оценки. Представителя возмутила суровость экзаменатора в отношении столь замечательного кадета.

— Не просматривается ли здесь личная неприязнь, пан капитан? —

забеспокоился представитель министерства.

Благородный облик капитана исключал подобное предположение.

В дискуссию включился подошедший инспектор, совместно с которым, после долгого сопротивления со стороны представителя министерства, была выставлена оценка всего лишь УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО.

О! МУ - КУ - РУ!

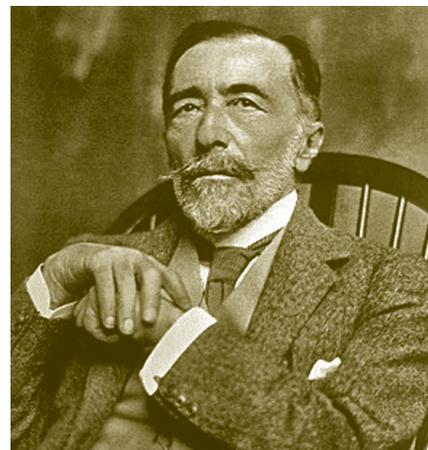
Конрад¹ описал подлинный эпизод, случившийся на паруснике, где он был старшим офицером.

Судно находилось на рейдовой якорной стоянке. На юте капитан поджидал шлюпку, чтобы съехать на берег. Неожиданно, разговаривая с Конрадом, капитан извлёк из кармана батистовый платок и смёл с лакированной поверхности планширя несколько осевших на нём пылинок.

* * *

В несколько ином эпизоде, известном всему английскому флоту, по существующей традиции командир корабля, желая, чтобы его корабль выглядел лучше других, для его окраски приобретал на собственные средства наилучшие сорта красок.

Один из британских адмиралов — очень известный и наделённый чувством юмора — заметил с мостика, как трубач Королевской морской пехоты преспокойненько

Юзеф Конрад Коженёвский

⁸ Джозеф Конрад (собственно Юзеф Конрад Коженёвский, 1857–1924) — всемирно известный английский писатель-маринист польского происхождения (*переводч.*).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

опёрся о недавно окрашенную за личные деньги и не вполне высохшую артиллерийскую башню. Адмирал глянул вокруг, не видит ли кто, подошёл к трубачу и рядышком с ним опёрся о башню.

С выражением лица Атласа, держащего на себе весь земной шар, адмирал обратился к трубачу:

— Всё в порядке, КОРОЛЕВСКИЙ, можешь быть свободен, всю тяжесть башни я беру на себя.

* * *

На возвращающемся на родину из многомесячного рейса французском паруснике второй офицер вёз в качестве «лёгкой контрабанды» двенадцать салфеток, искусно связанных из очень редких экземпляров губок. Все коллеги на паруснике восхищались этими салфетками, лучше которых в этом рейсе на их фрегате не было ничего. И обошлись они владельцу баснословно дорого.

Фрегат, как мог, готовился выглядеть парадно в момент прибытия в порт приписки. Всё на фрегате от клотиков мачт до носа и кормы было свежеекрашено. Случилось так, что во время утренней приборки палубы лаковое покрытие на надстройках юта было забрызгано солёной водой. Её следовало аккуратно смыть губкой, смоченной в пресной воде, чтобы не повредить сияющей поверхности. Боцман объявил, что к концу длительного рейса запас губки и хлопчатобумажной ветоши иссяк. Смывание соли с помощью щёток или парусины означало уничтожение недавно положенного на древесину лака. *Bosco*⁹ пришёл в расстройство.

Второй офицер, узнав о безнадежной ситуации с обтирочными материалами под конец длительного рейса, не колебался ни минуты.

Утром следующего дня *bosco* раздал для смывания соли с надстроек шесть переполовиненных замечательных салфеток второго офицера.

Учебный барк «Львов»

* * *

*Скоро уж год, как нас —
моряками*

*Далёко от суши
качает волнами.*

*Море за нами и море пред нами,
А в сердце —*

безбрежье тоски и печали.

Проникновенно распевали мы слова песни, сложенной нашим товарищем Почобуттом. Год ещё не прошёл, но наш рейс из Средиземного моря на родину приближался к концу. Мы готовились войти в родной порт так, как об этом пелось в другой его песне:

*Сегодня утром гордо и ладно
В гавань вошёл наш «Львов».*

*С реев и вант глазеем мы жадно.
И к сходу на берег*

каждый готов.

Все мы были заняты приведением нашего учебного парусника в состояние великолепия. Не хватало нам всего, даже краски и кистей.

Окрашенные поверхности омывались предельно бережно мыльной водой с незначительной добавкой соды. Нужен был ещё и обтирочный материал в виде «обстрижки» хлопчатобумажной пряжи, используемой на судне для смывания осадка соли с деревянных надстроек. «Обстрижка» обмакивалась в пресную воду. И то, и другое считалось на «Львове» роскошью.

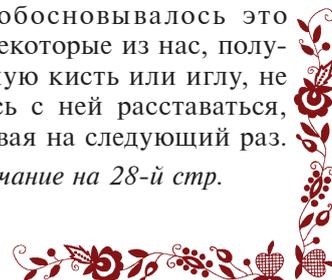
Косметические процедуры на «Львове» начинались с мытья клотиков. Клотики, топы мачт и ноки реев окрашивались в белый цвет, а колонны мачт и сами реи — в тёмно-жёлтый. Всё это перед приходом в Гдыню следовало отмыть пресной водой и протереть давным-давно закончившейся «обстрижкой». Сохранялась, однако, слабая надежда, что некоторые драгоценные запасы найдутся-таки у «Боцманёнка»¹⁰ и парусного мастера, припрятанные в их койках. Парусный мастер на ощупь определял сорт стали, из которой изготовлена игла, и какая кисть лучше других. Вполне понятно, что лучшие кисти, лучшие парусные иглы, лучшие гардаманы — перчатки для шитья парусины и эта самая «обстрижка» находятся под подушками и матрасами двух Янов. Осознание того, что это всё под рукой, позволяло им спать спокойно.

Койка парусного мастера располагалась над койкой боцмана. Если кто-нибудь из нас приходил за этими самыми сокровищами первой необходимости в неурочный час, когда оба отдыхали, приходилось исповедаться, что случилось с недавно полученной иглой, кистью или нитками. Оба они «скрепя сердце» и расставаясь с отдаваемым в наши руки предметом, прощальным взглядом сопровождали своё сокровище, которое всезнающая рука извлекла из-под подушки или матраса. В этом отношении оба были единодушны, несмотря на то, что и внешним видом, и характером отличались они неизменно. Также солидарно они вынуждали нас заклинять о выдаче любого спрятанного под собой добра. В известной степени обосновывалось это тем, что некоторые из нас, получив хорошую кисть или иглу, не торопились с ней расставаться, припрятывая на следующий раз.

Окончание на 28-й стр.

⁹ *Bosco* (фр. жарг.) — боцман (*переводч.*).

¹⁰ «Боцманёнок» — прозвание боцмана «Львова» Яна Калеты (1870—1936) (*переводч.*).

МЫ знали, что наш товарищ «Старик», мастер иглы и шитья, приберёт для себя наилучшую перчатку и несколько превосходных игл, поскольку «не ведал, улыбнётся ли ему ещё когда-нибудь счастье получить их для работы». В принципе, все предпочитали выслушивать страшные прогнозы о своём грустном будущем, чем вернуть кисть, из которой не вылезали щетинки и не разматывалась нить банджа. В таких случаях каждый из нас категорически убеждал, что «утопил», или что «выпала у меня с реи в море».

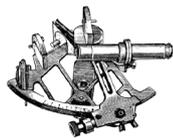
Парусный мастер был очень высок, худощав и лёгок, и при этом чрезвычайно проворен. По реям и мачтам перемещался он как паук, но не это нас в нём восхищало. Парусный мастер два года провёл в Антарктиде на Земле Котса у Моря Уэдделла. Вот это экзотика!

И все те сокровища, на которых они спали, ценились нами во сто крат меньше их рассказов. Часами слушали мы повествования о многомесячных ночах, о протянувшихся на сотни километров ледяных горах, напоминавших гору в Кейптауне, длинных и плоских, о плавании в условиях снежной вьюги, о невероятных морозах и о смыслённых пингвинах.

К нашему великому сожалению, эти «перлы» тоже отмеривались нам вовсе не щедро — после долгих и упорных уговоров и просьб, если, конечно, удавалось захватить место в их каюте, занять которое находилось немало охотников.

Парусный мастер любое обращение к каждому из нас начинал со слова «ваю» — и так это к нему прикипело, что опомниться он не успел, как называть его стали не иначе, как «Ваю¹¹». Был он строг. Наши оправдания, что мы не сделали чего-то «ещё лучше», поскольку «лень — залог здоровья», он едко обобщал: «Ваю, от такой лени внутри сгниёшь без остатка».

Наш товарищ Пиглу, однофамилец Ваю, был прирождённым художником и частенько предпочитал созерцать игру света при восходе солнца, а не драить палубу. Если парусный мастер заставлял нас за подобным ничего-

Ян Лещинский («Ваю») — парусный мастер

неделаньем, мы пытались оправдаться, что засмотрелись на «его кузена». После такого заявления приходилось тут же исчезать за пределы досягаемости голоса Ваю и отказываться, как правило, дня на два от слушания рассказов о жизни на Антарктиде.

Боцманёнок был очень даже невысок, а с полсотни лет уже вес его значительно превышал сотню килограммов. Если парусный мастер представлял собой образец поджарого «морского волка», то Боцманёнок внешностью напоминал скорее морского льва, но мог сойти и за краба, и за морскую черепаху. Ладони его уже не смыкались и были предметом нашего особого благоговения, зависти и восхищения. Они были покрыты столь толстой кожей, что, по нашему мнению, он уже не ощущал каната в руках. Его выделяли пышные усы, красно-коричневые щёки и голубые глаза маленького ребёнка. Именно поэтому грубое слово «боцман» Боцманёнку не подходило. Зато огромная «морская грудь» — на суше это называют брюхом — будила в нас опаску. Боцманёнок мог придавить ею сильнее, чем ожидалось,

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

чему способствовала необычайно развитая мускулатура живота, что вызывало ещё больший восторг. По вантам и пертам — тросам, натянутым под реями, ходил Боцманёнок благоговейно, и выдающаяся «морская грудь» ни в чём ему не мешала.

Как-то штормовая волна выдала стекло иллюминатора в их каюте. Проходивший мимо неё кадет услышал ужасающий рык Боцманёнка. Открыв дверь, он увидел, что тот, стоя на столике, животом затыкает отверстие. Волны, ударявшие в борт, так же могуче били и в эту мускулистую «морскую грудь», поскольку Боцманёнок рычал неумоимо в попытке спасти «Львов» от затопления. Общими усилиями удалось ситуацию овладеть. Выломанным круглым сидением от табуретки, обмотанным одеялом, удалось иллюминатор заткнуть и подпереть его брусом.

Боцманёнок был кладёзем матросских песен, так необходимых при любой совместной работе на палубе, когда требовалось согласовать усилия многих людей. Были песни под продолжительное и короткое выбирание каната, в штормовую погоду и свежий ветер, ночью и днём, под выхаживание шпилья и выбирание верхнего марса-фала. В такие минуты Боцманёнок сиял. Мы пытались ему подпевать, но наши усилия выглядели очень уж бледно. В песнях Боцманёнка прослушивались долгие годы работы на парусниках в рейсах вокруг Мыса Доброй Надежды или Огненной Земли.

Но лучше всего Боцманёнку известны были порты восточного побережья Африки. В каждом из них он провёл по многу месяцев. Если Антарктида, по нашему безапелляционному мнению, принадлежала Ваю, то всю Африку мы единодушно признавали за Боцманёнком.

По нашему разумению, Боцманёнок, долгие годы проведший среди негритянских племён, познал многие их обычаи. Благодаря

¹¹ «Ваю» — прозвание легендарного Яна Лещинского (1881–1942), парусного мастера «Львова» и старшего боцмана «Дара Поможа» (переводч.).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

знанию «негритянского языка» Боцманёнок стал нашим учителем. Был он, пожалуй, единственным в мире лингвистом, которому удалось, как по мановению волшебной палочки, вмиг обучить языку в речи, произношении и написании, и любил он, когда ученики на этом языке с ним общались. Усвоенная нами лексика Боцманёнка никогда не подвергалась языковой экспертизе, но отлично способствовала общению с ним.

Если возникала потребность выразить высочайшее восхищение, удовлетворение, восторг, благоговение, обожание и вообще всё положительное, хорошее, милое, приятное — можно было всё это облечь в одно-единственное предложение: О! МУ — КУ — РУ!

Противоположностью представлялось всё то, что нехорошо, плохо, испорчено, горько, некрасиво, невкусно, ужасно неприятно, достойно сожаления, безнадежно, что выражало сожаление или безвыходность — об этом говорилось с очень разнообразной интонацией: А! МОЙ — КА — КА!

Если же дело не касалось ни того, ни другого, то можно было ограничиться фразой: НО КУ-ЧИВА.

Это значило: не знаю, не понимаю, не умею, не могу, не имею об этом ни малейшего понятия, не могу ответить, справляйся сам, делай как знаешь.

На этом языке с Боцманёнком могли общаться лишь те, кого он сам тому обучил. Произнесение этих же слов теми, кому Боцманёнок сам лично не раскрыл значение данных восклицаний, считалось огромной бестактностью. По случаю торжеств, юбилеев, подъёма флага на «Львове», годовщины пересечения экватора можно было услышать марши в исполнении парусного мастера и Боцманёнка. Парусный мастер играл на гармонии, Боцманёнок же наслаждался исключительно негритянским там-тамом, роль которого исполняла крышка самого большого кухонного котла, в которую он бил свайкой или

драйком. По будням оба эти инструмента служили для сплескивания стальных и растительных тросов. Трудно было решить, кто играл лучше. Оба были артистами. Большинство из нас считало, что именно Боцманёнок был непревзойдённым мастером. Многие умеют искусно играть на гармонии, но извлекать необходимые звуки, в которых прослушивался ритм всей Африки, мог только лишь тот, кто провёл десятки лет на парусниках, причём значительную их часть у побережий Африки или на её реках.

Гдыня приближалась. Нам оставалось отмыть покрытые лаком надстройки юта. Делалось это очень нежно с помощью новой «обстрижки» и пресной воды. Всю личную ветошь для этих нужд мы уже давным-давно использовали — в боцманских кладовых зияла пустота. Однако теплилась надежда, что Боцманёнок не мог не припрятать где-нибудь в головах хотя бы унцию этих хлопчатобумажных отходов.

Отправленный за ними, стою у койки Боцманёнка, отдыхающего ещё после ночной вахты.

— Пан боцман, — начал я умоляюще, — осталось обмыть только штурманскую рубку, но нигде нет ни клочка «обстрижки», может вы найдёте хоть горсточку?

Ян Калета («Боцманёнок») — боцман «Львова»

Боцман, сидя на койке, слушал мою просьбу, кивая круглой головой.

— Может вы глянете под подушку, вдруг там, где-нибудь завалялось чутко незамеченной «обстрижки»? Мы закончили бы приборку ещё до завтрака. Штурманская вся в пятнах от соли. Надежда только на вас, пан боцман. Парусный мастер сказал, что у него ничего уже нет, и послал к вам. Если вы не дадите, то рубка так и останется вся в солёных разводах.

Я стоял в ожидании реакции на своё душераздирающее выступление. Я уже представил себе, как Боцманёнок поворачивается набок и шарит под подушкой или матрасом. Не мог же он допустить, чтобы лаковое покрытие драили щёткой или парусиной.

Но Боцманёнок сидел неподвижно. Его голубые глаза утратили улыбку. И вдруг раздался страшный приговор:

— А! МОЙ — КА — КА! А! МОЙ — КА — КА!

Я собрался было на выход, когда услышал голос Боцманёнка: — Погоди-ка!

В его глазах я заметил сразу столько отрады, что и сам обрадовался их лучезарности. С облегчением я представил себе Боцманёнка, переворачивающегося на свою «морскую грудь» и достающего из тайного закоулка огромный пук вожделенной «обстрижки». Ничего подобного не произошло.

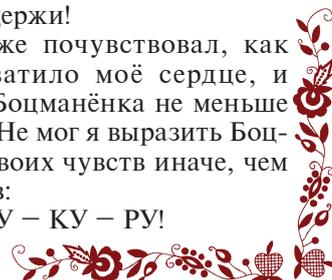
Боцманёнок ухватился за рукав своей огромной ночной рубахи. После нескольких мощных рывков весь рукав сполз с его атлетической руки.

Так и сидел он в рваной рубахе, улыбаясь в усы. Подавая мне свёрнутый материал, он произнёс:

— На, держи!

Я тут же почувствовал, как тепло охватило моё сердце, и полюбил Боцманёнка не меньше «Львова». Не мог я выразить Боцманёнку своих чувств иначе, чем прошептал:

— О! МУ — КУ — РУ!

- 700 lat** – Koronacja Władysława Łokietka i jego żony Jadwigi w Krakowie. Od tej pory Kraków stał się miastem koronacyjnym królów polskich (20.01.1320 r.).
- 655 lat** – Ślub Kazimierza III z Jadwigą (ok. 1350–1390), księżniczką zagańską (25.02.1365 r.).
- 500 lat** – Sejm Piotrkowski określił wymiar pańszczyzny na jeden dzień w tygodniu (.01.1520 r.).
- 490 lat** – Koronacja 10-letniego Zygmunta Augusta na króla Polski (20.02.1530 r.).
- 485 lat** – W Piotrkowie ukończył się sejm, na którym szlachta spisała artykuły dotyczące egzekucji praw (20.01.1535 r.).
- 465 lat** – Do Polski przybył pierwszy nuncjusz apostolski Luigi Lippomano (13.01.1555 r.).
- 440 lat** – Zakazano drukowania dzieł historycznych i politycznych bez zezwolenia królewskiego (7.02.1580 r.).
- 365 lat** – W starciu pod Ochmatowem połączone siły polsko-tatarskie pokonały wojska rosyjsko-kozackie (29.01.1655 r.).
- 355 lat** – Śmierć wybitnego stratega i dowódcy, hetmana polnego koronnego Stefana Czarnieckiego (16.02.1665 r.).
- 350 lat** – Ślub króla Michała Korybuta Wiśniowieckiego z arcyksiężniczką Eleonorą Marią Habsburżanką (27.02.1670 r.).
- 225 lat** – Król Stanisław August Poniatowski został wywieziony do Grodna (7.01.1795 r.).
- 200 lat** – Zmarł Alojzy Feliński, dramaturg i poeta, autor pieśni Boże, Coś Polskę (23.02.1820 r.).
- 190 lat** – Pierwszy koncert Fryderyka Chopina w Teatrze Narodowym w Warszawie (17.03.1830 r.).
- 185 lat** – Generał Józef Bem zainicjował założenie w Paryżu Towarzystwa Politechnicznego Polskiego (15.03.1835 r.).
- 170 lat** – Urodził się Aleksander Gierymski, malarz (30.01.1850 r.).
- 170 lat** – Zmarł Józef Bem (*1794), generał, uczestnik powstania listopadowego (24.02.1850 r.).
- 160 lat** – Do obiegu wszedł pierwszy polski znaczek pocztowy (1.01.1860 r.).
- 155 lat** – Urodził się Kazimierz Przerwa-Tetmajer, poeta, prozaik, autor sztuk scenicznych (12.02.1865 r.).
- 145 lat** – W Królestwie Polskim zniesiono kościół unicki (18.02.1875 r.).
- 140 lat** – Zmarł Henryk Wieniawski (*1835), skrzypek i kompozytor (31.03.1880 r.).
- 135 lat** – Urodził się Juliusz Kaden-Bandrowski, prozaik, eseista (24.02.1885 r.).
- 115 lat** – Urodził się Konstanty Ildefons Gałczyński, poeta, satyryk (23.01.1905 r.).
- 115 lat** – Władze rosyjskie wydały zgodę na powrót języka polskiego jako wykładowego w szkołach prywatnych Królestwa Polskiego (21.03.1905 r.).
- 115 lat** – Urodził się Karol Olgierd Borchardt (†20.05.1986), kapitan żegluga wielkiej, prozaik marynista (25.03.1905 r.).
- 110 lat** – Urodził się Kazimierz Wyka (†19.01.1975), eseista, krytyk literacki, historyk literatury (19.03.1910 r.).
- 100 lat** – Generał Józef Haller w imieniu Rzeczypospolitej dokonał w Pucku zaślubin z Bałtykiem (10.02.1920 r.).
- 100 lat** – Komisja Weryfikacyjna przyznała Józefowi Piłsudskiemu tytuł Marszałka Polski (19.03.1920 r.).
- 95 lat** – W Rzymie podpisano konkordat między Rzeczpospolitą Polską a Watykanem, który uregulował stosunki państwa z Kościołem rzymskokatolickim (10.02.1925 r.).
- 80 lat** – Premierzy Polski i Francji podpisali umowę wojskową o tworzeniu jednostek polskich we Francji (4.01.1940 r.).
- 80 lat** – Zmarł Kazimierz Przerwa-Tetmajer, poeta, prozaik, autor sztuk scenicznych (18.01.1940 r.).
- 80 lat** – Biuro Polityczne KC WKP(b) podjęło decyzję o rozstrzelaniu 25,7 tysięcy obywateli polskich więzionych w ZSRR (5.03.1940 r.).
- 75 lat** – Wojsko Polskie odbyło defiladę na ulicach zniszczonej Warszawy (19.01.1945 r.).
- 75 lat** – Rozpoczęły się walki I Armii WP o Wał Pomorski (29.01.1945 r.).
- 75 lat** – Po 10 dni ciężkich walk I Armia WP zdobyła Kołobrzeg (18.03.1945 r.).
- 70 lat** – W Warszawie odsłonięto pomnik Adama Mickiewicza (28.01.1950 r.).
- 65 lat** – Rada Państwa podjęła uchwałę o zakończeniu stanu wojny z Niemcami (18.02.1955 r.).
- 55 lat** – Zmarł Kazimierz Wyka, eseista, krytyk literacki, historyk literatury (19.01.1965 r.).
- 50 lat** – Zmarł Jerzy Szaniawski, prozaik, autor sztuk scenicznych (16.03.1970 r.).
- 40 lat** – Sejm przyjął ustawę o godle, barwach i hymnie PRL (31.01.1980).
- 40 lat** – Zmarł Jarosław Iwaszkiewicz, poeta, prozaik, eseista, krytyk muzyczny (2.03.1980 r.).
- 35 lat** – Zmarł Arkady Fiedler, pisarz, podróżnik (7.03.1985 r.).
- 35 lat** – Zmarł Leopold Tyrmand, prozaik, publicysta (19.03.1985 r.).
- 20 lat** – Amerykańska Akademia Filmowa przyznała reżyserowi Andrzejowi Wajdzie Oscara za całokształt twórczości (27.03.2000 r.).

Kto się buduje, ten się rujnuje.

Дом построить – не шапку на голову надеть.

Z cudzej skóry szeroko się rzemień kraje.

Чужим добром подносить ведром.

Złe ziele najbujniej się krzewi.

Сорная трава быстро растёт.

Kto się wiele pyta, ten się wiele uczy.

Язык до Киева доведёт.

Jaka matka, taka córka.

Каково семя, таково и племя.

Podróże kształcą.

Чужая сторона добавит и ума.

Małych ptaków małe gniazda.

По Сеньке и шапка.

Chwytaj okazję z przodu, bo z tyłu jest lysa.

Не уппусти свой шанс.

Źle nabyte w korzyść się nie obraca.

Чужое добро впрок нейдёт.

Na dobry towar trafi się kupiec.

Хороший товар сам себя хвалит.

Czasy się odmieniają, z czasami i ludzie.

Всё течёт, всё меняется.

Urażona cierpliwość obraca się w zapalczywość.

И у святого терпение лопнет!

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**
№ 1 (64) 2020 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**
№ 1 (64) 2020 г.

PISMO POLAKÓW W ROSJI (Wydawane od 2002 roku)
Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.
Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077
Przedstawicielstwo w Warszawie – Jan KARBOWNICKI: tel. +48 513 326 655
Szata graficzna i skład komputerowy – Irena DANIŁOWA
Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: Post Office Box 30, Krasnodar-Center, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ РОССИИ (Издаётся с 2002 года)
Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.
Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077
Представительство в Варшаве – Ян КАРБОВНИЦКИЙ: тел. +48 513 326 655
Оформление и компьютерная вёрстка – Ирина ДАНИЛОВА
Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: Абонентский ящик 30, Краснодар-Центр, 350000, Россия

23 XI 1933 – 29 III 2020